

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 39

1986

Дмитрий ЕВДОКИМОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 39

Дмитрий ЕВДОКИМОВ

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

Повесть

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Дмитрий ЕВДОКИМОВ

Дмитрий Валентинович Евдокимов родился в 1937 году в городе Магнитогорске Челябинской области. В 1959 году окончил Московский государственный историко-архивный институт. Работал журналистом в многотиражной газете Подольского механического завода имени М. И. Калинина, затем в городской газете «Подольский рабочий». Был на комсомольской и партийной работе.

Жизненные наблюдения послужили материалом для его будущих рассказов и повестей. Героями повестей «Рожкина целина» и «Летние каникулы» являются студенты, проходящие трудовое воспитание в целинном совхозе и на стройке. Документальная книга «Мой завод» повествует о славном прошлом и настоящем коллектива Подольского механического завода имени М. И. Калинина. Повесть «До рассвета» рассказывает о драматических событиях 1905 года в Подольске. Дмитрий Евдокимов является также автором повестей и рассказов для детей.

Дмитрий Евдокимов — заслуженный работник культуры РСФСР.

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

ПОВЕСТЬ

На облитых солнцем лесах, после сырой прохлады только что оштукатуренных стен, особенно хорошо. Спецовку я сразу же сбросил, и на мне теперь только безобразные широченные штаны, задубевшие от раствора, и бесформенные ботинки сорок пятого размера. Все это выделил от щедрот своих кладовщик участка, тщедушный человек в соломенной шляпе.

— Вот только это осталось, — отводя глаза, сказал он. — Распишись.

Я увидел, что на полке лежит несколько новехоньких комплектов спецодежды, но спорить не стал, потому что понимал его сомнения. Действительно, сколько я здесь наработаю? Месяц, два? Так чего же добро зря переводить!

У нас — обед. С полным правом хорошо потрудившегося человека крупными кусками глотаю мягкую булку с плавленным сыром, запиваю молоком прямо из бутылки. Так же обедают и остальные члены бригады. В столовую мы не ходим: слишком много времени нужно на переодевание. Поэтому за полчаса до перерыва девчонки бегут в расположенный по соседству магазин и берут еду на всех.

Я поглядываю вниз. Ниже этажом нежится на солнышке женская половина нашей бригады — Танька и Шурочка. Собственно, первая меня интересует мало: она выше меня, глаза черные, цыганские, голос пронзительный, как у галки. А вот Шурочка — дело другое. Ладная даже в мешковатом комбинезоне, ясные голубые глазки, курносый носик.

Кажется, ни для кого не секрет, что мы друг другу нравимся. Шурочка шефствует надо мной. Терпеливо и подробно она объясняет, как держать сокол, как накладывать раствор, как кидать его на стену. У нее самой все это получается удивительно ловко. Хлоп, хлоп, хлоп. Аккуратные лепешки, будто оладушки, ложатся рядом на стену. В ход идет полутерок, которым она выравнивает раствор, и вот уже поверхность стены становится ровной и гладкой.

— Понятно? — спрашивает Шуручка, весело оглядывая мою всю перепачканную раствором физиономию.

— Понятно, — смущенно бормочу я и думаю: «Куда уж, лапочка, мне за тобой угнаться».

Вчера мы были с ней в кино. По-моему, как раз об этом она в данную минуту рассказывает Таньке. Обе смеются, глядя на меня. Я внимательно гляжу в небо.

— Подвинься! Ишь расселся! — беззлобно кричит наш бригадир Алексей, вылезая на леса со своим завтраком из оконного проема. Усаживаясь поудобнее, размышляет вслух:

— После обеда надо бы поднажать!

— Загнать нас хочешь! — кричит Танька. — Мне сегодня еще на танцы идти.

Мы с осуждением смотрим на нее.

— Здоровая ты девка, а ленивая!

Это говорит, сверкая лысиной из другого окна, дядя Леша, пятый член нашей бригады.

— Ты не нападай на нее, дядь Леш! — вступается справедливая Шуручка. — Это же она просто так сказала. Старается, чай, не меньше тебя.

Остановись, мгновенье! Я гляжу и вижу их всех четверых одновременно — смачно жующего, так что играют желваки, бригадира, растянувшего губы в усмешке, но старающегося не показывать зубов, потому что их нет, дядю Лешу, сладко потягивающуюся Таньку и кокетливо поглядывающую в маленькое зеркальце на свою прическу Шуручку. Как я сюда попал, в компанию совсем мне незнакомых еще неделю назад людей? Рука судьбы, не иначе. Члены бригады о чем-то оживленно говорят, но я их не слышу. Будто в мозгу что-то переключилось и я смотрю старый фильм про самого себя...

— Следующая остановка — конечная. Областной центр, — объявил сквозь потрескивания репродукторный голос.

Толпа пассажиров быстро растекалась по привокзальной площади. Через какой-то час я — дома. Здесь-то наверняка все так же, как и год, и два назад. Прошел через большой двор, заросший кудрявой травкой, поздоровался с соседями.

На скамеечке под окном сидел дед. Увидел издали, но, как истый мужчина, сдерживался. Только после слов «Здорово, дедуля!» расцвел улыбкой. Расцеловались, вошли в дом.

Непередаваемый запах! По нему с закрытыми глазами сразу узнаешь, что ты — дома. Блудного сына, конечно, ждали еще вчера.

И вот все мы сидим за столом, испытующе оглядывая друг друга. На лицах родителей без труда читаются умиление и гордость. Как же! Совсем взрослый сын. Отец в разговоре нет-нет да и положит мне руку

на плечо. Я каждый раз осторожно, чтобы не обидеть, высвобождаюсь. Не люблю нежностей.

Мать сидит напротив, жадно всматривается в мое лицо.

— Ну, как там в Москве? Как институт? Не влюбился?

— Нормально! — отвечаю односложно. — Сессию сдал...

— Чурбан бесчувственный, — вспыхивает мать. — Только одно слово и знаешь — «нормально».

Впрочем, сердиться долго она не может.

— А у нас — новостей! Твои дружки Генка и Олег не поступили. В мае их в армию провожали. Зашли перед отъездом к нам. Привет тебе передавали. Обещали написать!

Глаза ее молодо поблескивают. Похоже, ее радует, что мои дружки не поступили. Это еще как-то более подчеркивает исключительную одаренность ее сына.

— Придут — поступят! — говорю резко. — И во всяком случае — туда, куда захотят.

Мать резко прерывает рассказ и вскидывает воинственно голову — не назревает ли бунт? Отец, чтобы увести разговор с опасного направления, брякает:

— Ксения-то твоя замуж вышла. За летчика.

Хитрость удается.

— С каких это пор она «его» — бурно возражает мать. — Подумаешь, пару раз на танцы вместе сходили. И потом — вовсе не за летчика, а за инженера летной службы! Не знаешь, не говори.

Отец вяло оправдывается.

Теперь я чувствую, что ничего в нашем доме не изменилось. Мать, работник райплана, по-прежнему командует на работе и дома. Отец, бухгалтер хлебокомбината, все так же уступчив. Дед сохраняет олимпийское спокойствие — прислушивается к словесному поединку и хитро улыбается чему-то своему.

Легли спать поздно. Когда голова уже коснулась подушки, вдруг подступило какое-то тревожно-радостное предчувствие. Что это было? Тезка-председатель? Эммаус?

Когда на следующее утро после приезда я, сладко зевая и потягиваясь, вышел наконец на кухню, то застал там одного деда.

Наш дед лет пять как на пенсии. Ушел с хлопотливой должности начальника ремонтно-строительного цеха. Но отдыхать так и не привык. Его длинные узловатые руки умельца тоскуют без дела. Он встает рано, в пять утра, и начинает громко мастерить что-нибудь по дому. То табуретку укрепляет металлическими угольниками с запасом прочности в тонну, то к башмакам новые подошвы прибавляет, не очень красиво, зато — на века!

Сейчас дед, уже наработавшись с утра, читал только что

полученные газеты. Это священный процесс, который не имеет права никто прерывать. Поэтому он с неудовольствием оторвался от газеты и строго, поверх очков, глянул на любимого внука.

— Наконец-то проснулись, ваше сиятельство! Завтракай и пойдешь дрова колоть. Уж месяц как лежат. Десять кубометров.

— Вот еще новости! Я же отдыхать приехал!

— Лучший отдых — перемена занятия! — невозмутимо парировал дед.

— Маме пожалуюсь! — погрозил я и попал в большое место.

Дед отбросил газету и встал передо мной, подбоченившись.

— Белоручка, туеядец! — гремел он. — Отец твой — интеллигенция гнилая, бухгалтер. Гвоздя забить не может. И ты туда же! Я в твои годы семью кормил.

— А кто виноват? — возмущенно заорал я в ответ. — Сколько я тебя просил, дай сделаю сам. Так ты только отгалкивал: «Не умеешь, испортишь!» Было?

Деда нелегко сбить с занятых позиций.

— А ты бы настойчивей просил!

— Больно надо! В наш век специализации и так проживем.

За завтраком дед сменил тактику. Тихий и ласковый, он намазывал внуку на хлеб густой слой масла, кусок за куском.

— Слушай, — сказал он, — про мотоциклет мечту все держишь?

Я даже подавился.

— Ну?

О мотоцикле я мечтаю третий год. Даже как-то у деда денег просил, зная, что у него есть свои накопления, но тот наотрез отказал:

— Зачем он тебе? В Москве же на нем кататься не будешь?

Внезапная догадка пришла мне в голову:

— Неужто подарить собрался?

— Как сказать! — загадочно ответил дед. — Сколько он стоит?

Я кинулся ему на шею.

— Дедуля! Взаправду передумал?

Дед еле отбилса от моих крепких объятий.

— Нет, не передумал. Сядь спокойно.

С усмешкой глядя на уныло плюхнувшегося на свой стул внука, он повторил вопрос:

— Так сколько он стоит?

— Я ж тебе сто раз говорил — пятьсот рублей.

— Так вот тебе мое условие! — дед торжественно сделал паузу.

— Ну, не томи душу! Что хочешь сделаю!

— Пойдешь работать.

— Куда? — ошарашенно спросил я.

— Хоть куда! На стройку, например.

— Я же ничего не умею. И сколько я заработаю — сотню, не больше?

— Неважно. Ежели на стройке два месяца отработать — день в день, сколько б ни заработал, хоть сотню, остальные добавлю. Как, по рукам?

— Меня не примут,— начал я увиливать.— И документы все в институте...

— Ерунда. Временно примут. Паспорт-то с тобой? — неумолимо загонял меня в угол дед.

— Опозорюсь!

— Если опозоришься, ничего, конечно, не получишь. А если два месяца как следует отработаешь,— мотоцикл. Так как?

Я начал злиться.

— Думаешь, испугаюсь? Возьму и пойду!

— Возьми и пойд.

— А мать что скажет? — прибег я к последней уловке.

— Мать беру на себя! — уверенно ответил дед.— Чай, должна отца родного послушать. Ведь добра желаю!

— Ладно, схожу завтра.

— А чего тянуть? Прямо сейчас и иди.

Пока я чувствовал на себе испытующий взгляд деда, шел нарочито не торопясь, расправив плечи. Но чем ближе стройуправление, тем больше начинало екать где-то в желудке.

Начальник отдела кадров встретил против ожидания приветливо и проявил немалое любопытство:

— Значит, в институте учишься?

Молча кивнул.

— В каком, интересно?

Хоть год учусь, а когда приходится отвечать, чувствую себя так, будто украл что-то.

— Да так, есть один.

Начальник отдела кадров в изумлении вытаращился:

— Не понял! Что значит есть один?

— Ну, в пищевом, на холодильных установках,— ответил скороговоркой.

— Хороший институт,— сказал удовлетворенно кадровик.— Полезный. Так, значит, подработать хочешь?

Снова кивнул.

— Понятно!

Уж чего не понять!

— Учеником мы тебя не возьмем. Какой смысл? Два месяца проучишься, а там тью-тью. И не заработаешь ничего. А пойдешь ты сразу в бригаду штукатуром первого разряда. Здорово?

Кивком не отделаешься.

— Спасибо большое!

— Слушай,— начальник отдела кадров еще раз взглянул в анкету.— А может, пойдешь к нам совсем? Люди — во как нужны!

Вместо ответа я взялся за ручку двери:

— Когда выходить?

Кадровик поскущел.

— Завтра придешь вот к этому дому. Прораба спросишь. А насчет моих слов подумай.

— Ладно, до свидания.

— До свидания.

Так вот и стал я, Валентин Яковлевич Гомозов, столичный студент пищевого института, временным штукатуром первого разряда.

...Из невидимого репродуктора раздаются частые гудки.

— Кончай обед! — кричит Алексей, поднимаясь на ноги.

Каждой клеточке тела смертельно не хочется двигаться.

— Валька! — окликает бригадир. — Видишь, ящик пустой?

Я понимающе киваю, хватаю ведра, через ступеньку лихо скатываюсь по лестнице. На клетке второго этажа, будто невзначай, прижимаю в угол поднимающихся Таньку и Шурочку. Шурочка визжит, а Танька награждает меня увесистым шлепком по спине. Мчусь дальше. Вот и бак во дворе. Ведра наполнены раствором, идти значительно тяжелей, но я не сдаюсь, шагаю через ступеньку. В наш ящик помещается четырнадцать ведер, значит, надо обернуться семь раз. К концу становится тяжело, до пота.

Едва облегченно переворачиваю в ящик последнее ведро, как Алексей из соседней комнаты кричит:

— Валька, затирай!

Что ж, и это дело нам теперь знакомое. Встаю рядом с Шурочкой, дружно обмакиваем кисти в ведро, плескаем воду на застывшую штукатурку и трем круговыми движениями. Стена получается — лю-бо-дорого смотреть!

И снова:

— Валька, раствор! Валька, затирай!

Солнечные зайчики гаснут в комнате. Значит, солнце зашло за соседний дом. Чувствую незнакомое раньше удовлетворение оттого, что сделали сегодня много.

— Наверное, норму перевыполнили? — нарочито равнодушно говорю в пространство, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Перевыполнили! — отвечает Алексей, устало собирая инструмент. — Ну, что стал? Пошли! Оркестра не будет.

Мать явно сменила гнев на милость. Всю неделю не разговаривала, а шипела как раскаленная плита. А сейчас даже полотенце чистое подала, с веселым изумлением оглядывая непутового сына.

— Чудеса! Откуда такой прилив трудолюбия?

Цена наступивший недолгий семейный покой, молчу, тщательно оттирая руки, ставшие неестественно белыми от раствора.

— Глицерином помажь,— советует мать,— а то растрескаются.
И снова возвращается к своему вопросу:
— Чего в твою голову втемяшилось? Отдыхал бы на здоровье!
Отвечаю как можно миролюбивее:
— Отвяжись! Сказано, мотоцикл хочу купить.

На кухне царствовал дед. В легкомысленном цветастом фартуке он был похож на веселого гнома. По краям выбитой головы серебрилась щетина. Массивный нос чутко подергивался, принюхиваясь, не подгорает ли чего на плите. Глубоко спрятанные маленькие синие глазки поглядывали хитро-проницательно.

Когда дед ушел на пенсию, первое, чего он добился — вытеснил с кухни нашу мать. Стоило ей встать у плиты, как дед появлялся за ее спиной, жарко дыша в затылок и многозначительно крикая, когда мать делала, на его взгляд, промашку с засыпкой борща приностями. Кончалось это всегда одинаково. Мать в сердцах швыряла половник на стол, и дед тут же, тихий и благостный, занимал пост у кастрюль. В конце концов мать сдалась. Теперь она, как и я с отцом, сразу садится за стол и нетерпеливо покрикивает:

— Дед, скоро там?

— Ишь нетерпеливые! — ворчит дед. — Погодьте. Картошка должна дойти.

Сейчас он подсовывает мне кусок мяса побольше и заговорщицки подмигивает. Мы обмениваемся красноречивыми взглядами.

— Держись, Валька, не опозорь!

— Держусь, дед!

...Замызганный самосвал перевозит наши пожитки — ящик, ведра, инструмент — на новый объект. Это трехэтажный особняк, точнее его остов. С мясом выдраны все двери и окна, сняты полы.

Полыхает сварка. Подводится водопровод и газ. В глубоких траншеях — канализационные трубы.

— Опять сантехники не успели,— ворчливо говорит Алексей стоящему рядом с прорабом.

— В тесноте, да не в обиде! — хмыкает тот. — На то и ремонтники. У вас и норма другая...

Алексей как-то странно взглянул на прораба. Тот вдруг загорячился.

— Ну, что зыркаешь? Знаешь, что я ни при чем...

— Все вы ни при чем,— вздыхает Алексей.— Ладно, ребята, пошли.

Рассматриваем царящий в комнатах хаос.

— Перво-наперво, надо поверхность приготовить. Берись, Валька, за молоток. Обивай, где осталась штукатурка, сдирай старую дранку,

войлок и прочую дрянь. Иначе новая штукатурка держаться не будет.

Я лихо вскакиваю на козлы и бью так, что пыль столбом. Ломать — не делать! Помогает мне дядя Леша. Девчонки выметывают хлам на улицу. Алексей где-то на втором этаже ругается со слесарями, чтобы быстрее освободили помещение.

Потом с дядей Лешей мы садимся плести щиты из дранки. Делается это так: в левой руке у тебя пучок дранок, выходящих как бы лучами, правой вплетаешь в этот пучок одну дранку за другой, затем пучок расправляется, остается добавить дранки с той и другой стороны, и щит готов.

Мелкими гвоздями я плотно прибиваю щит к стене.

— Имей в виду, — наставляет снизу дядя Леша. — Где слаbinу пропустишь, там трещина будет и штукатурка обсыплется. Гвоздей не жалей.

Косяки и потолок обиваем металлической сеткой. Затем все обильно смачиваем водой.

— Ну, что же, можно начинать, — говорит бригадир, придирчиво осмотрев нашу работу. — Валька, ставь ящик к стене ближе.

Он разводит раствор известковой жидкостью.

— Смотри и учись, как обметку делать!

Действительно, такого я еще не видел. Не прибегая к соколу, Алексей загребает раствор мастерком прямо из ящика. Гигантским веером раствор летит на стену. Ни одна капля не падает на пол. Пять минут — и ящик пуст, а стена покрыта тонким ровным слоем раствора, точно повторяющим рельеф поверхности.

— Как возьмется, — говорит Алексей, — пойдем по второму разу, уже густым раствором. Понятно?

Дядя Леша молча хватается за полутерок, а мы перетаскиваем ящик к другой стене. Красочная картина повторяется снова. Алексей берет за потолок. Здесь работа особенно ювелирная. Чуть положил лишнего, и раствор устремляется вниз, увлекая рядом положенные слои. Мелкие брызги летят в глаза. Загораживаясь соколом, как щитом, Алексей оборотной стороной мастерка кладет слой, тут же его приглаживая. В который раз меня поражают его руки. Точнее, ручищи. Каждый кулак — с мою голову, наверное. А в работе пластичны и изящны, как руки пианиста.

Косяки делаем мы с Шурочкой. Тоже штука хитрая. Надо чтоб угол был идеально прямым. Мастерок оглаживает его слева и справа, снимая лишнее. Но вот пора братья за терки. Стоя рядом с Шурочкой, я не могу сдержать восторга:

— Как Алексей кидает, а? Вот бы научиться!

— Что ж ты хочешь? Алексей — лучший штукатур во всем городе, а может, и в области. Виртуоз! Это на ремонтных работах ему трудно вернуться. На новых домах он такие рекорды ставит...

— Почему же он ремонтом занимается?

— Тут, думаешь, меньше мастерства надо? — возражает Шуручка. — Объекты важные. Вот Алексея и попросили...

Перед обедом кто-то заглядывает к нам в окна.

— Эй, лудильщики! Чего спите? Тут аван привезли.

— Сам лудильщик! — немедленно откликается Танька и грузно прыгивает с козел. — Народу много?

— Нет никого.

Танька устремляется к двери, за ней Шуручка. Досадливо откидывает мастерок Алексей.

— Пошли, что ли.

Я делаю вид, что меня это не касается. Копаюсь у ящика.

Вскоре Алексей возвращается и удивленно смотрит на меня.

— А ты чего не идешь? Кассир уедет скоро.

— Так я же всего вторую неделю...

— Эх, Степа! Это же аван! Беги. А то в бухгалтерию придется идти.

За неведомо откуда появившимся канцелярским столиком в тенечке сидит добродушная полная женщина. Она несколько раз проводит пальцем по ведомости, пока не наткнется на мою фамилию.

— Есть. Получай.

Трепетно кладу в карман грязных брюк новенькие десятки. В этот момент мимо бежит Шуручка. В магазин. Купить что-нибудь на обед. Увязываюсь за ней и беру килограмм шоколадных конфет.

— Это вам с Танькой!

— Ну что ты! — смущается она.

— Бери! Бери! Как-никак праздник первой полочки!

Раздираемый горделивыми чувствами, возвращаюсь к дому. Пока Алексей и дядя Леша сумрачно пьют молоко, терзаюсь мыслями, как быть с ними? Наконец, откашлявшись, как можно солиднее говорю:

— Мужики! С меня причитается. Пузырек надо бы купить...

Алексей косит в мою сторону глазом.

— Получил? Сколько? Полтинник? Ну, молодец. Матери отдашь. А насчет пузырька не суетись.

Когда смена кончается, долго умываемся, переодеваемся. Девчонки уже убежали, и мы с Алексеем и дядей Лешей отправляемся домой. Проходя мимо магазина, слышим как какой-то пьяный с выбившейся из брюк рубахой жалобно доказывает приятелю:

— Мне чужого не надо. Но когда плохо закрывают наряд, приходится доворовывать. Матерьялами. Стыдно? Стыдно! А что сделаешь?

Алексей не выдерживает:

— Работать надо лучше, Петюня. Да поменьше пить. Тогда и наряды будут хорошо закрывать.

Пьяный зло ощеривается, но узнав Алексея, широко улыбается и начинает преувеличенно низко кланяться.

— Извиняюсь. Прославленному стахановцу наш пламенный!
А что это ты, Алексей, в ремонтники подался? Лучше платят?

Он заливается надсадным смехом, толкая приятеля и предлагая ему разделить веселье.

Алексей багровеет и немедленно дает легкого тычка в шею Петюне.

— А ну, вали отсюда...

Тот послушно пятится.

— Извиняюсь. Извиняюсь.

Дядя Леша сердится. Скидывает кепочку, вытирает платком голову. Говорит в сердцах:

— Тьфу! Это через твою совестливость мы в ремонтниках оказались!

— Мог за мной и не идти,— мрачно говорит Алексей.— Не пропал бы, чай.

Любопытство пересиливает робость и я спрашиваю:

— А что произошло?

— Обычная история,— вздыхает Алексей.— Подождите минутку. Я мигом.— И он уходит в магазин.

— Так почему вас в ремонтники? Это что, плохо? — обращаюсь я к дяде Леше.

— Не так плохо, как обидно,— меланхолично говорит дядя Леша.— Была наша бригада лучшая в тресте. В области гремела. «Отделочники Алексея Жирова». Звучит? Дак Алешка за других переживает. На слете как-то выступил. Спасибо, говорит, за добрые пожелания в наш адрес. Мы, говорит, обязательства свои, конечно, выполним, потому слово свое рабочее уважаем. А вот почему, говорит, руководство свои обещания не уважает? И как начал, начал. Детсад обещали сдать, не сдали, дом жилой — тоже. Бригадный подряд — на бумаге.

Управляющий у нас мужик самостоятельный. Озлился, конечно. Но виду не подал. Еще спасибо за критику сказал. А месяц проходит, бах — бригаду премии лишают. Как так? Почему? Вроде бы и по делу — не сдали мы один объект. Не сдали потому, что срочно другое задание того же управляющего выполняли. А он вроде бы про это и забыл.

Обидно стало Алексею. Вот выпил он как-то под вечер для храбрости и к управляющему в кабинет. «Мне,— говорит,— ладно,— гонения за критику устраиваете, а бригада чем виновата?»

А тот смекнул, не будь дурак. «Ай, ай, ай,— говорит.— И это бывший лучший бригадир. Совсем спиваться начал. Не могу я алкоголику первоочередные объекты доверять. Послужите пока, товарищ Жиров, в ремонтниках». Вот и вся история.

— И никто не заступился? — ахнул я.

— А кто?

— Ну, партком, постройком.

— Да куды против фактов погрешь? Объект не сдал? Не сдал. Выпивши был? Был. Вот и трудимся теперь. Уже не говорю, что зарплату в два раза ниже стали получать.

В этот момент из магазина вышел Алексей с покупателями. Протянул пакет: «Угощайтесь».

Мы взяли по конфете. Он взглянул на наши унылые лица и звонко рассмехался:

— Не надо меня жалеть! Не пропадет Жиров. Ученый теперь. Я-то хотел все по-человечески, по-справедливости решить. Ан не так просто! Пошли! А то дома жинка ждет, ребята.

— У вас их сколько?

— Двое — семь и пять. Ух, бастрюки! — он улыбнулся, но вдруг вспомнив что-то, посерьезнел: — Слушай, Вальк! Ты от Шурки... Это самое... отстань.

Я густо покраснел.

— Почему это еще?

— Не будет у вас проку. Ты ведь к нам временно, снова в Москву улетишь. А Шурка останется. Ей второй раз никак ошибаться нельзя, понимаешь?

— Второй раз? — переспрашиваю растерянно.

— А ты ничего не знал? — удивляется Алексей. И добавляет смущенно: — Ну, она, наверное, сама скажет. Только учти, Шурка очень хорошая, но мягкая. Себя защитить не может.

Дядя Леша дергает его за рукав.

— Кончай антимионии разводите. Молодые сами разберутся.

Растревоженный, бреду домой. Мои все в сборе. Отдаю матери деньги.

— Вот первая получка. Если так пойдет, все двести заколочу. Деду меньше за мотоцикл добавлять.

Но мать деньги не радуют. Безмозглая это затея — идти в строители. Всем известно, что там... И пошло, и поехало.

Я начинаю горячо и сбивчиво объяснять, какая у нас замечательная бригада, какой хороший и несправедливо обиженный Алексей, как все в бригаде обо мне заботятся.

Но мать не слушает, а продолжает уже не говорить — кричать. Получается, как дуэт в опере, — каждый поет о своем. Невпопад выступает отец. В том плане, что пороть меня раньше надо было. Теперь поздно. Молчит лишь дед. Окончательно разозлившись, выскакиваю из дома и хлопаю дверью.

Из парка слышны звуки бодрой музыки. Работает танцплощадка. Там вечером собирается вся городская молодежь. Машинально бреду туда, мрачно думая о взаимоотношениях с родителями.

Почему мы перестали понимать друг друга? Тот же отец, когда мне было лет пять, таскал меня на плечах по всему городу, хвастаясь, какой у него красивый и умный сын. Играл со мной во всевозможные

игры. Любил читать вслух. И даже часто пел песни. Потом постепенно как-то отошли друг от друга. У сына появились свои школьные дела. У отца — свои.

Окончательная размолвка произошла, когда три года назад был куплен «Запорожец». Вкатив осторожно во двор, отец гордый вышел из машины. Я радостно кинулся к нему. Отец, вроде не замечая моих бурных чувств, не глядя, предъявил ультиматум:

— Не будешь машину мыть — не будешь кататься.

Что мне, жалко помыть машину? Но взорвал сам тон. Я тогда заявил, что и близко к ней не подойду. И слово свое держу. Сколько потом родители ни уговаривали съездить куда-нибудь вместе, как отрезал. Тогда-то и появилась мечта — иметь свой мотоцикл. Курсы специально еще в школе окончил.

А с отцом с тех пор мы в основном через мать, как через переводчика, разговариваем.

— Скажи этому оболтусу, — говорит ей отец в моем присутствии, — чтоб постригся. Своими патлами родителей позорит.

— Объясни ему, пожалуйста, мама, — отвечаю как можно тактичнее, — что полубокс в моде был в сороковых годах, когда я еще не родился. Сейчас мода несколько иная.

Отец обычно после отповеди фыркает и уходит. С матерью дело сложнее. Любящая и заботливая, очень чутко улавливающая настроение, она иногда вдруг тоже перестает понимать меня, будто я изъясняюсь на каком-нибудь африканском наречии.

В грустных размышлениях я вхожу в парк, прохожу под аркой из разноцветных лампочек, что видна издалека. Сколько приятных минут связано у меня с парком!

В нашем парке нам никогда не бывает скучно. Обязательно встретишь кого-нибудь из знакомых. Вот и сейчас я увидел Нельку из нашего класса. С красивым широким лицом, толстой косой, она все годы слыла умницей. По-моему, за все время учебы ни одной четверки не имела, только пятерки. Нелька окликнула:

— Валька! Ты чего же не показываешься? Зазнался?

— Нет, просто устаю с непривычки...

— На стройке? Мне говорили, мотоцикл хочешь... Ну, а как в институте? Почему, кстати, пищевой выбрал? Помню, когда сочинение писали, кто кем хочет стать, так ты астрономии выбрал. У тебя еще звездный атлас был. Ночами все на крыше сидел с биноклем, мечтал новую планету открыть... И вдруг пищевой...

— У меня дядька в Москве, — смущенно бормочу я, — третий калач, в министерстве работает. Вот он узнал, что там конкурс поменьше. И ребят охотно берут. Родители уговорили...

— Ну и как, интересно?

Неопределенно жму плечами и, чтобы избежать новых вопросов, сам перехожу в наступление:

— А ты где?

— Провалилась. Уже второй раз! — отвечает Нелька.

Но уныния на ее лице не видеть.

— А куда?

— На геофак МГУ. В прошлом году сразу двойку по математике схватила. Ну, на этот год как следует готовилась, уже четверку получила. Всего полбалла недобрала. Ничего, еще годик на заочных подготовительных курсах позанимаюсь, поступлю обязательно. Не горит. Мне же в армию не идти.

Слышу сзади пронзительное:

— Валька! Привет!

Оборачиваюсь. Передо мной Танька и Шуручка. На Таньке невообразимый слой косметики и чего только не повешано: и бусы, и серьги, и брошь. На руке — огромный перстень.

— Ну, Татьяна, ты даешь! Прямо высший свет! Герцогиня!

Шуручка незаметно, но больно тыкает меня под ребро. Танька моей насмешки не заметила:

— Пошли с нами на танцы!

— Нель, извини.

— Давай, давай. Веселись.

Я церемонно беру Шуручку под руку. Она одета простенько, в ситцевое платье, которое эффектно подчеркивает то, что обычно скрывает нескладный комбинезон. Острижена коротко, под мальчишку. Смотрит на меня сияющими глазами.

— Шуручка, я от вас без ума!

Шуручка вдруг опускает голову.

— Ты чего?

— Пойду я, пожалуй!

— Что ты! Еще целый час — танцы!

— Нет, нет, пойду.

— Я провожу!

— Иди, если хочешь! — говорит она как-то бесцветно.

Пытаюсь взять ее под руку, но она решительно отмахивается.

— Не надо!

У выхода снова попадаетея Нелька. Ехидно улыбается. Ну и черт с ней.

Как в воду, погружаемся в темноту тихих улочек.

— Шур, ты на меня обиделась?

— Чудак! — вздыхает она. — Не на тебя, а на себя!

— За что?

— Такая непутевая, видать! Мне ведь на танцы ходить уже не положено. Сегодня — это я ради Таньки.

— Что за дурь? В монашки записалась?

С вызовом она поворачивает свое бледное прекрасное лицо. Даже в темноте видно, как трепетно блестят глаза.

— Тебе кумушки про меня еще ничего не говорили?
— Что-то я слышал. Но как-то неопределенно.
— Ну, так я сама скажу тебе. Определенно. Разведенная я, понял?
— Ну и что?
— Как, ну что? Была замужем, а теперь нет!
— Удивила! Сейчас сколько сходится-расходится. Мало ли что бывает! Меня, например, это нисколько не колышет.
— Тебя, может быть. Других зато колышет.
— Как так?
— Молодая баба. Свободная. Вот и привязываются, кому не лень.
— По морде давай.
— И даю.
— Шур, а из-за чего ты развелась?
— А-а! Говорил, не колышет?
— Ну, интересно же.
— Чего уж интересного? Вместе в школе учились, только он на два года старше. Из армии как пришел, расписались. С работой мыкался. Специальности фактически никакой. На Север за длинным рублем подался. А оттуда написал, мол, извини, другую нашел. Обычная история.
— Ну и плюнь! Чего ж убиваться, если такое дерьмо.
— Я и плюю. Развелась и уехала вот сюда.
Мы остановились под фонарем у двухэтажного дома.
— А здесь что, родственники?
— Нет, одна. Просто комнату от управления дали!
— В гости бы как-нибудь пригласила.
Шурочка странно усмехнулась и глянула исподлобья.
— Как-нибудь в другой раз..
Я пытаюсь ее поцеловать. Она резко отшатывается.
Откуда-то из крошечной темноты раздался вдруг гнусавый пацаний голос:

В нашем саде, в самом заде
Вся трава помятая...

Шурочка сразу сникла, как от удара хлыстом.
— Вот видишь...
Я решительно поворачиваюсь в темноту:
— Заткни глотку.
Из темноты гнусавый смешок.
Шурочка дергает меня за рукав.
— Не надо. Не стоит со всякой шпаной связываться. Еще подерешься. Дома нагорит из-за меня... Ну, прощай.
— Спокойной ночи,— отвечаю и жду, когда за ней закроется дверь.

Затем не спеша иду в направлении, где слышал голос.

— Ну-ка, певун, где ты тут? Покажись.

Как из-под земли вырастает длинноволосый подросток. Сзади маячат еще трое. Но я не боюсь. Это микрорайон нашей школы. Значит, пацаны должны знать меня.

— Что, дядя, по уху захотел?

— Иди, иди поближе. Своих не узнаешь?

Подросток подвигается к свету.

— Валька? Из десятого «А»?

— Точно.

Подходят и остальные. Теперь и я узнаю их. Так и есть, из нашей школы.

— Что ж вы к девке пристааете?

— А мы не к ней. Сама-то она, может, и хорошая, да к ней все какие-то ухажеры примазываются. Как свистнешь из темноты, оглянется и деру! Смехота.

— Ей от этого тоже не сладко.

— Мать-одиночка! — солидно гудит кто-то из подростков.— Переживает, известное дело!

— Мать? — переспрашиваю растерянно.— Значит, у нее ребенок?

— Конечно! А ты и не знал?

Подростки смеются. У меня на душе скверно. Что же она сама не сказала? Но все же отвечаю:

— Ну и что с того, что с ребенком? Ей, наоборот, труднее. А вы изгаляетесь. У вас-то у всех отцы есть?

Ребята смущенно мнутя.

— То-то и оно. Так что кончайте. Не дело с голоса бабья петь. Вы ведь мужики.

Утром, когда я, заглядывая в зеркальце над умывальником, уничтожаю безопасной бритвой редкие волоски на подбородке, дед спрашивает:

— Чего это ты вчера про несправедливость молол?

Жуя бутерброд, подробно рассказываю. Дед мрачнеет.

— Знаю я этого управляющего. Когда-то у меня мастером в цехе начинал. Как говорится, молодой да ранний...

— Это хорошо или плохо?

— Как тебе сказать? Не по возрасту расчетлив был. Но работал всегда на совесть. Ни себя не жалел, ни других. Вот видишь, в большие начальники вышел. Когда человеку рано власть дается, не всякий выдерживает. Это ведь не просто — командовать-то. А с Жировым скверно получилось.

— Дед, тебя же в горькоме знают. Ты ведь в народном контроле!

— Ну?

— Так поговорил бы там. За что лучшего бригадира в ремонтники? Дед нейтрально смотрит в окно и ладонью осторожно пробует щетину на голове. Крякает, будто перерубая полено:

— Не пойдут! Негоже. Вроде как кляuzu разводить.

— Какая же кляуза! — возмущаюсь я.

— Так я ведь при этом не был. А с чужих слов говорить... Тут надо, чтоб сам коллектив заступился.

— Какой коллектив! — уныло отмахиваюсь я. — Дядя Леша не пойдет, он на пенсию собирается. Девчонкам — до лампочки.

— Так ты сходи!

— Я? Кто меня послушает! Неделю на стройке.

— Если убежден, слушают!

— Не дело, дед, предлагаешь! — отмахиваюсь я, уже стоя в дверях.

Для кого мы ремонтируем дом? Ясно, что кто-то потом будет здесь жить. Но эти будущие жильцы понятие абстрактное, неопределенное. Хотя дядя Леша и любит приговаривать, когда ругает нас с Танькой за качество затирки: «Чай, об людях надо думать!»

А тут пришел конкретный и очень сердитый старик в белом парусиновом костюмчике.

— Кто тут бригадир?

— Ну я, — не прекращая кидать раствор, ответил с козел Алексей.

— Что же вы, товарищ бригадир, безобразиями занимаетесь?

— Ого, — сказал Алексей, поворачиваясь к посетителю. — Из контроля, что ль?

— Зачем из контроля? Живу я тут, понял? Уже сорок лет. Пока нам в новой коробке дали, но сюда мы со старухой обязательно вертаться будем. И не спорь!

— А кто спорит? Вертайся!

— Значит, разрешаешь? — саркастически заметил старик и снова разъярился: — А коли разрешаешь, так чего же пакостишь?

— Как это «пакостишь»? — обиделся Алексей, прыгивая с козел и надвигаясь на сухонького и маленького обидчика. — Плохо штукатурим, скажешь?

— Еще чего! — ответил старичок. — Ежели б некачественно, я вас давно за Можай загнал.

— Так какого лешего...

— Первый этаж вы делали?

— Ну, мы...

— И ту квартиру, что справа?

— Все мы...

— А почему ж, милый человек, кладовую мимо прошли?

— А, вот ты о чем! — облегченно засмеялся Алексей. — Там, дедушка, сухой штукатуркой обобьют. Согласно проекту.

— Мало ли что проект! Зато я не согласен!

— Не по адресу, дед, пришел,— вступил в разговор дядя Леша.— Это тебе к прорабу надо.

— Был,— сокрушенно вздохнул старичок.

— Ну и что?

— Не положено, говорит. Ежели только бригадир согласится...

— Вот еще!— возмущался дядя Леша.— Кто платить будет?

— Хапуги!— твердо сказал старичок.— Алкоголики. Правильно мне жена сказала — они теперь только за пол-литру работают!

— А ну ступай отсюда,— заорал Алексей.

— Жаловаться буду!

Увидев занесенную над ним могучую длань бригадира, старичок испарился. Но через минуту оказался в другом дверном проеме.

— Люди вы, ай нет?

— Проваливай, тебе сказали. Иди анонимки писать.

— Ну и пойду!— ответил старичок, но с места не двинулся.

— Дед, не мешай,— вежливо сказал я, пробегая мимо с ведром.

— И молодежь туда же!— горестно вздохнул старичок.—

Никакого понятия. Дело-то у меня государственное. Вот вы спросите: «А зачем тебе Федор Семенович, кладовая капитальная нужна?»

— Известно, капусту солить!— фыркнула Танька.

Старичок стал пристально рассматривать девушку, пока та не покраснела:

— Иди к черту, чего уставился!

— Интересная, между прочим, у вас фактура!

— Чего?— еще пуще залилась краской Татьяна.

Я загоготал.

— Держись, Танька! Какого хахаля подцепила.

Старичок облил меня высокомерным презрением:

— Стыдись, молодой человек. Я ведь с точки зрения высокого искусства...

— Художник, что ли?— не скрыл своего удивления Алексей.

— В некотором роде,— потупился старичок,— фотограф я. Правда, любитель, но уже давно. Мои некоторые снимки в краеведческий музей попали. Так что в кладовке — моя фотолаборатория, и мне далеко не безразлично...

— Так что ж ты к нам с фанаберией!— воскликнул дядя Леша.— Мы, чай, и свой, и чужой труд уважаем.

— Это же мое сокровенное,— засмущался старичок,— как-то неудобно везде кричать, что я фотограф, да вдобавок любитель.

— А людей срамить удобно?— обронил Алексей.— Эх ты! Ладно. После работы мы вдвоем с Валькой заштукарем твою кладовку. Там и делов-то...

К концу смены старичок появился снова. Он радостно суетился, пытаясь нам помочь перетащить козлы, ящик, пока весь не перепачкался.

— Остынь,— сказал ему Алексей строго.— Сиди в сторонке и смотри.

Я подавал бригадиру, стоящему на козлах, сокол за соколом с лепешками раствора. Кладовочка была всего метра полтора на полтора, так что Алексей закидал стены и потолок в каких-то полчаса. Потом мы, не торопясь, затирали, а старичок планировал:

— Вот здесь я фотоувеличитель поставлю, а здесь — полочки с химикалиями.— Потом он спохватился:— Что же это я? Склероз! И куда-то умчался.

— Если за бутылкой, разобью!— скрипнул зубами Алексей.

Старик принес хозяйственную сумку, в которой был термос с чаем и аппетитные плюшки.

— Моя печка,— объяснил он, расстелив газетку на перевернутом ящике.— Отнеси, говорит, отец, уважительным людям. Вот так — уважительным...

Он хохотнул и пригласил нас к импровизированному столу. Не торопясь пили ароматный чай и внимательно слушали рассказы старичка, как ему удалось сделать редкий снимок известного артиста, когда в нашем городе велись съемки фильма «Гроза». Не знаю, как Алексей, а я был очень доволен собой.

Самодовольство ухудшает зрение, поэтому я не сразу заметил натянутаю обстановку за ужином. На мой веселый рассказ о старичке родители реагировали холодно, а дед почему-то отводил глаза.

— Какая вас муха укусила?— воззрился я, наконец обратив внимание на их индифферентные лица.

Мать эффектно отшвырнула вилку и обратилась к отцу:

— Вот так! Вырастили сыночка!

Начало было многообещающим. Я молча ждал продолжения, мысленно быстренько перебирая свои прегрешения. Утром не сходил за водой? Нехорошо, конечно, но чтобы из-за этого поднимать скандал? Что скандал нависает, я уже не сомневался. Так из-за чего же? Из-за моей работы на стройке? Но вроде бы родители уже смирились.

Впрочем, ломать голову долго не пришлось. Наша мама не любит дипломатии и идет к цели наикратчайшим путем.

— Понимаешь, встречаю я сегодня Нелю,— принялась рассказывать мать.

Ага, все теперь встало на свои места. Пора уходить в глухую защиту. Стараюсь не слушать, и слова матери доходят, как через вату.

— Значит, наш сыночек нагрубил дома и куда, ты думаешь, подался? На танцплощадку!

Отец с поддельным изумлением, как провинциальный трагик, поднял изогнутую правую бровь.

— Да, да, на танцплощадку! Я глаз сомкнуть не могла, пережива-

ла, а сыночек «бацает». Да еще с кем! Я бы еще поняла, с кем-то из своего круга. С той же Нелей, например...

Меня передернуло.

— Вот видишь, порядочные девушки ему уже не по вкусу. Ему «даму с камелией» подавай.

Видит бог, что я пытался сдержаться. Но «дама с камелией» меня доконала. Я так фыркнул, что чай, который только что глотнул, вылетел с шумом обратно в чашку.

— У него хватает наглости издеваться над матерью! — в ее голосе послышались слезы.

Отец заерзал на стуле. Он тоже терпеть не может слез. Мать продолжала:

— Ее же весь город знает! Двадцать лет, а уже побывала замужем, ребенка имеет и теперь ловит безусых юнцов, чтобы захомутать! Вот наш и распустил слюни...

— Мама, ты ее никогда не видела...

— Молчи! Люди знают, что говорят. Шлюха она!

Меня понесло.

— А ты мещанка до мозга костей! Сплетни собираешь!

Поток слез побуждает отца к активным действиям.

— Щенок! Как ты смеешь с матерью так разговаривать!

— А она смеет незнакомого человека оскорблять?

— Она — мать. И тревожится в первую очередь за тебя.

Продолжать бесполезно, и я как можно скорее захлопываю дверь в свою комнату. Валюся на кровать, пытаюсь читать, но строчки прыгают перед глазами. Стоит вспомнить, как мать оскорбила милую и веселую Шурочку, и сердце начинает гулко биться.

На стройке меня ждал сюрприз. Не успели мы облачиться в робы, как появился знакомый старичок. Необыкновенно торжественный и даже в галстуке. В руках у него был объемистый пакет.

— От всей души. В знак благодарности, — приговаривал он, аккуратно развязывая бечевку и снимая газеты.

Члены бригады поглядывали с веселым любопытством, а мы с Жировым как виновники торжества чувствовали себя несколько смущенными.

— Чего ты, дед, еще придумал? — грубовато сказал Алексей. — Взятку не берем! Я тебе прошлый раз внушал.

— И вовсе не взятка, — не обиделся старичок. — А плоды моего творческого труда!

Он наконец расправился с газетами, и мы увидели две большие фотографии в красивых рамочках.

— Что это?

— Виды нашего города!

Я бережно взял в руки одно из фото. До чего хорош наш город!

— Откуда снимали?

— С колокольни! — горделиво ответил старичок. — Красиво?

— Очень!

Небольшие деревянные домики, теснимые справа современными зданиями, старинная церковь, излучина реки, а за ней лес.

Меня удивили краски фотографии, очень естественные.

— Хорошо цветом владеете, — сказал я тоном знатока.

— Чудак, это же черно-белые фото, — рассмеялся старичок. —

Я слайды не люблю, они здорово искажают.

— А откуда же цвет? — удивился я.

— Приглядитесь получше. После увеличения я каждое фото от руки раскрашиваю. Акварелью. Небо если уж оно серо-голубое, так таким и должно быть. И зелень — не ядовитая, а естественная, как в природе.

— Здорово! — не скрыл я своего восхищения.

— Такое не грех на стенку повесить! — отметил дядя Леша.

— Спасибо тебе, дед! — с чувством сказал бригадир. — Вот не ждал, что ты такой искусник.

— Это вам за ваше искусство, а главное — человечность!

— Что ты, дед! Подумаешь, полчаса потеряли, кладовку отштукатурили!

— Если бы все были люди, насколько бы лучше жилось, — философски изрек старичок.

Вот уж не предполагал, что наш бригадир может быть сентиментальным. Но он вроде бы даже прослезился. Но чтобы не подать виду, закричал бригаде:

— Ладно, чего уставились? Работать пора. Еще раз благодарим, но ты извини — план есть план.

Он пожал руку засуетившемуся старичку и взялся за мастерок.

Дома меня по-прежнему ожидала холодная война. Потому наскоро перекусив, я с дедом отправился пилить дрова.

— Не дергай пилу! — покрикивал дед. — Сам устанешь и меня замотаешь. Аль за день не намахался?

— Да вроде бы привык. Сначала все болело, а теперь как будто так и надо.

— Вот видишь! — ликовал дед. — Сам небось теперь рад, что в строители подался! Хоть что-то в жизни будешь уметь делать, а?

— Рад, рад, рад! — отвечал я вполне искренне.

В субботу утром я долго лежу, прислушиваясь, как встают родители, не торопясь завтракают и наконец уходят. Кажется, на рынок. После этого встаю и прохожу быстренько на кухню. Дед безмятежно читает газеты. Он давно перестал вмешиваться в какие-либо семейные споры, справедливо считая, что все перемелется.

- Дед, одолжи пятерочку!
- Зачем?
- Цветы куплю и конфеты.

Он хитро прищуривается:

- Значит, не сдаешься?
- Вот еще.

— Ну и правильно! — неожиданно соглашается дед. — Мало ли что наговорят. Сам разберешься. И погремушку купи, не забудь. У нее вроде сын.

Я благодарно гляжу на него. Только мужская сдержанность не позволяет, как раньше, кинуться ему на шею. Были бы все такие умницы, как мой дед!

- К обеду не ждать?

Отрицательно мотаю головой.

- Ладно, Валька! И мать охладится.

Вот ее дом. В лучах солнца его серая поверхность кажется голубоватой, и он больше не напоминает грозную цитадель.

Дверь мне открывает Шуручка. Она не рада цветам и конфетам, которые я деловито всовываю ей в руки. С кухни слышны какие-то возбужденные голоса. Мы проходим по узенькому коридорчику. Шуручка плечом нажимает на дверь, и я оказываюсь в небольшой, очень уютной комнатке. На окне, на широком диване, на столе и стульях, везде — кружевные салфеточки и занавесочки.

- Красиво у тебя!

Шуручка, которая в это время ставит в воду яркие гладиолусы, шикает:

- Говори шепотом, Митяйка уснул.

Только сейчас я замечаю деревянную кроватку, стоящую между окном и столом. Нерешительно потоптавшись, кладу на стол погремушку и усаживаюсь на диван.

Шуручка садится рядом, смотрит на меня с вызовом:

- Вот так мы и живем!

- Хорошо живете.

Говорим мы шепотом, что придает каждому слову особую значительность.

- Чаю хочешь?

- В такую-то жару? Вот еще!

- Что ты сегодня делал?

Рассказываю про своего деда.

- Молодец он у тебя! Если бы все такие были...

- А ты что сегодня делала?

- Стирала. Митяйку кормила. Потом в скверике гуляли.

- Сколько ему?

— Скоро год. Спасибо, мне с яслями пятидневными помогли. А то б совсем зашилась. Хоть не работай.

Незаметно доверчиво Шурочка приникает к моему плечу. Я обнимаю ее. Она напряженно смотрит прямо перед собой и не видит моих губ, трубочкой тянущихся к ее щеке.

— Шурочка!

— Чего тебе?

Она прижимает палец к моим губам. Я притягиваю ее к себе, но в грудь мне упираются гвердые локотки.

— Ты же обещала!

Шурочка удивленно раскрывает глаза.

— Чего я обещала?

— Что разрешишь целоваться в субботу.

— Ничего подобного!

Однако сопротивление слабеет. Сначала Шурочка просто подставляет свои мягкие губы, но затем вдруг начинает дышать шумно, прерывисто и силой впивается в мои губы, так что внутри меня все деревенеет. Когда мне уже начинает не хватать воздуха, неожиданно с той же силой отталкивает меня и с всхлипыванием вскакивает, одергивая платье. Я тянусь за ней.

— Отстань!

Стараюсь поглядеть ей в глаза, но Шурочка отворачивается.

— Что случилось? Я тебя обидел?

— Нет, нет. Ты не поймешь. Извини меня, Валька. Ты мне очень нравишься. Вот я нюни и распустила.

— Ну иди тогда ко мне.

— Нет, нет. Не надо этого. Ты парень неиспорченный. Не будь похожим на всех.

— На кого на всех?

— На всех мужиков. У них одна логика. Как мне сказал один: «Ты ведь теперь не девка, что тебе, жалко?»

Я краснею.

— Вот уж не думал...

Шурочка снова садится рядом и закрывает мой рот ладошкой.

— Знаю, знаю. И все-таки не надо.

Она настораживается. Из кровати доносится побряхтывание. Шурочка легит туда и извлекает розового сонного младенца. Он засовывает свои игрушечные пальчики в рот и с курлыкканьем пускает пузыри.

— Вот мы какие красавцы, дядя Валя!

Младенец неожиданно тянется ко мне. Видно, мое лицо выражает испуг. Во всяком случае, Шурочка с усмешкой говорит:

— Не надо, Митенька, к дяде приставать. Ему домой пора.

— Да я вовсе не...

Усмешка на лице Шурочки пропадает, и она говорит мягко, но настойчиво:

— Не обижайся, Валя. Мы сейчас купаться будем. Так что давай.

В нашем доме по-прежнему ходят тучи.

— К ней шляется? — грозно говорит мать, не отрывая взгляда от телевизора.

Не отвечая, пробираюсь в свою комнату и закрываю дверь. Появляется одна конструктивная мысль, которая значительно улучшает настроение.

Утром я слышу, как шумно собираются родители. Они отправляются в лес собирать малину. Вот затарахтел «Запорожец». Отбыли наконец. Можно вставать.

— Дед, ты мне поможешь?

— А чего ты задумал?

— Проход из моей комнаты в родительскую заделать, а дверь от меня прорубить на кухню. Чтоб зря не беспокоить.

Дед не спеша переваривает идею.

— Ну, что ж, стена на кухню в полкирпича. Ломом одолеем. И коробку переставить несложно. Но грязи будет! А штукатурить сколько надо!

— Дед, ты что, забыл? Я же теперь штукатур! Мастерок у нас есть?

— Ишь ты! — восхищается дед. — Штукатур... Без году неделя. Может, мать подождет?

— Ни в коем случае! Чтоб сюрприз был!

Дед любит смелые инженерные решения. Его подначить ничего не стоит. Трусцой он отправляется в сарай за ломом и киркой.

Не такое это оказалось легкое дело. Я с размаху бью ломом в стену. Он гулко отскакивает.

— погоди! — кричит дед. — Надо все газетками закрыть, иначе потом не отмоем. Давай!

Я бью снова и снова. Когда выбит первый ряд, дело идет веселей. Киркой выламываю сразу по несколько кирпичей. Дед тем временем, отодрав коробку, зашивает досками проем в родительской комнате.

— Валька, поди! — кричит он. — Есть идея. Если отштукатурить только с одной стороны? В твоей комнате получится ниша. Книжки будешь ставить. Как?

Степенно обмозговываю и даю «добро». Дед сияет как именинник. Он помогает мне, хоть я и ругаюсь, таскать кирпичи за сарай. Пора приниматься за раствор. Делаю «гарцовку» — смесь цемента с песком, начинаю потихоньку подливать воду, пока раствор не делается как сметана. Накладываю его на сокол. Хлоп! Лепешка, стукнувшись о стену, падает вниз. Что за черт?

Дед напряженно сопит за спиной. Неужели опозорюсь? Стукаю себя по лбу. Ну, конечно! Надо было поверхность водой намочить! Хватаю веник и обильно смачиваю рваные края проема. Лепешка за лепешкой ложатся на стены. Потом подравниваю. Лишний раствор скидываю в ведро и снова размешиваю. Из кухни перемещаюсь в комнату. Доски дед уже обил дранкой. Здесь раствор нужно пожиже.

Добавляю воды. Начинаю намечивать прямо из ведра. Может, не столь красиво, как у Жирова, но все же неплохо. Чувствуется, что и дед доволен. Он уже не стоит за спиной, а прилаживает дверную коробку в кухне.

— Перекур! — кричу я ему жировским голосом. — Подождем, пока раствор схватится.

Дед послушно садится рядом. С удовлетворением оглядываем первозданный хаос.

— Вроде взялась, — дед пробует пальцем сырую штукатурку.

— А как же! — отвечаю солидно. — По рецепту самого Жирова.

Тут я вздыхаю, а дед как-то лукаво искоса глядит на меня.

— Ты чего улыбаешься?

— Был я у этого шаромыжника вчера.

— Какого шаромыжника?

— Ну, управляющего.

— Был?! Ну и что?

Дед, чуть посмеиваясь, рассказывает. Очень растрожила его история с Жировым. Поэтому, как я только подался к Шурочке, он надел свой выходной костюм, прицепил галстук, взял шляпу и за ворота. Прикинул, что в субботу в конторе народу не будет, а сам управляющий придет непременно, поскольку полугодовой отчет на носу.

Расчет оказался верным. Приемная была пустой, а из кабинета управляющего раздавался голос хозяина — с кем-то разговаривал по телефону.

— Гостей принимаешь? — спросил дед, напялив шляпу на глаза.

Управляющий узнал его сразу и воскликнул:

— Федор Михалыч! Вот приятный гость! Заходи!

Он вышел из-за стола, долго тряс дедову руку и хлопал его по плечу.

— Молодец, Михалыч. Не сдаешься!

— А чего нам сдаваться? — молодецки отвечал дед.

— Давай сядем!

Сели, продолжая внимательно оглядывать друг друга.

— Ишь ты какой! — сказал дед.

— Какой?

— Матерый да гладкий!

Управляющий хохотнул.

— Жизнь такая тяжелая.

— Ай вправду?

— Конечно! Все усложняется! — хозяин кабинета вздохнул и кивнул в сторону письменного стола, где раздерганной кучей лежали бумаги. — Объемы растут, количество объектов большое, а людей не хватает. Кроишь тут, как Тришкин кафтан. Голова разламывается.

Дед сочувственно покивал головой:

— Это верно! Горбом сейчас много не наработаешь.

— Тебе, пожалуй, было легче командовать, а, Михалыч?

— Да как сказать. Конечно, цех — не управление, а завод — не город. Попроще было. Как говорится — все на глазах...

— Ох и боялись мы, молодые, тебя, Михалыч! — хохотнул управляющий.

— Боялись? Что же я, такой страшный был?

— Не страшный, а крутой. Если уж взъярился, лучше под руку не попадаться. Легенды про твою вспыльчивость ходили. Будто ты какого-то высокого гостя в окно выбросил. Теперь уж время прошло, скажи честно — было?

— Враки, — не совсем уверенно сказал дед. — Во-первых, не гость, а нормировщик из заводоуправления. Во-вторых, не выбросил, а он сам выскочил. А в-третьих, ежели помнишь, мой кабинет всегда на первом этаже был. Так что враки!

— Может быть. Во всяком случае, по себе помню — как зыркнешь глазом, так коленки стучать начинают. И соврать нельзя, все равно проверишь.

— Коленки, говоришь? А я вот другой случай вспоминаю. Был у меня молодой бригадир, после техникума пришел...

— Это которого мастером к тебе направили, а ты велел, чтоб бригадиром сначала поработал? — ехидно-елейным тоном спросил управляющий.

— Вот-вот, — принимая игру, сказал дед. — Знаешь, из таких молодых да ранних. Сразу к руководству рвался. А я ему: «Ты сначала в шкуре рабочего побудь, научись ремеслу как следует, потом спасибо скажешь».

— Ну, что же, спасибо тебе, Михалыч. Серьезно — большое спасибо! — взволнованно сказал управляющий. — Это ведь школа на всю жизнь.

— Так вот, этот бригадир, — будто не слыша, продолжал рассказ дед, — однажды на «летучке» заявляет — воровство у нас на участке. Пиломатериалы у нас пропадать начали. И фамилию прораба называет...

— Как же, помню! — кивнул управляющий. — Ты тогда так на меня заорал, думал, последний день работаю.

— Точно! — кивнул дед. — Подумал, мальчишка тень на плетень наводит. Ведь с прорабом тем мы всю войну в одном саперном батальоне прослужили... Ох, как мне тогда худо стало. Не скрою, закралась мыслишка — прогнать бригадира, да и дело с концом. А потом подумал — если правда, всю жизнь казнить буду. Самолчно проверил и того прораба прогнал. Думаешь, легко мне было?

— Поверь, Михалыч, я не знал, — взволнованно сказал управляющий.

— Какая разница, знал не знал,— вздохнул дед. — Главное, правду сказал, так?

— Так...

— А сейчас бы ты полез на рожон?

— Я? А почему ты спрашиваешь?

— А потому,— дед неожиданно встал и загремел, как в прежние времена,— что сейчас ты и сам хитришь, и других за правду к ногтю жмешь!

— Что за ерунда! — опешил управляющий.

— Не ерунда! Объясни-ка мне историю с Жировым.

— С Жировым? — лицо управляющего приняло злое выражение. — Что, эта пьянь смеет на меня жаловаться?

— Эх, парень! — сокрушено сказал дед. — Будь честным сам перед собой. Какой Жиров — пьянь? То, что раз выпил для храбрости, уже в преступление возводишь. И ты отлично знаешь, что Жиров — человек гордый. Жаловаться никогда не будет!

— А откуда ты тогда эту историю знаешь? Сорока на хвосте принесла?

— Внук у меня в этой бригаде работает, понял? И с такой несправедливостью сразу столкнулся. Тут не только Жиров, вся бригада веру в тебя теряет. Ты это своей башкой соображаешь?

— Ну, ну, полегче, Михалыч. Если честно, поприжал я Жирова. Уж больно занозист стал. Уж вроде не я, а он — управляющий. Вот я его в воспитательных целях и...

— В воспитательных целях! — снова заорал дед. — А позволь тебя спросить, что ты воспитываешь? Лизоблюдство?

— Зачем лизоблюдство? Просто, чтоб каждый сверчок знал свой шесток. Дисциплина есть наконец!

— Нет, парень, не туда ты поехал. Совсем не туда. Прощай!

— Михалыч, куда же ты? Я думал, мы по стройкам с тобой проедем, потом пообедаем вместе.

— Не буду я с тобой обедать,— твердо сказал дед. — Пока перед Жировым не извинишься.

И он громко хлопнул дверью.

— Ну, как? — спросил дед меня после красочного рассказа.

Я с сомнением покачал головой.

— Как бы еще хуже не было.

Дед не согласился:

— Верю, что ваш управляющий правильно поймет. Ведь не совсем же он пропащий человек! И вообще — чего это мы расселись? Давно пора накид делать.

После затирки ниша и стена становятся единым целым. Будто и не было здесь никогда двери. Потом я мою пол. Помогаю деду повесить дверь. Незаметно подкрадывается вечер. Слышу тарактенье «Запорожца». Слава богу, все готово. Пробираюсь в свою комнату и притворяюсь спящим.

— А где Валька? Спит? Что так рано? — слышу я голос матери. Вот она входит в свою комнату. Что сейчас будет!

— Яша! Яша! — кричит она изумленно. — Иди скорей сюда. Кто это сделал?

Я инстинктивно зажмуриваюсь.

— Валька? Не может быть. Это же артистическая работа. Прямотаки виртуозная.

Приятно, черт побери, слышать такую похвалу.

— Вот видишь, а ты сопротивлялась,— умиротворенно замечает отец. — Ведь месяца не прошло, и гляди, какие результаты. Отличный штукатур. Специальность — это, знаешь, всегда кусок хлеба на крайний случай.

— Что ты бормочешь? Какой кусок хлеба? — спорит мать. — Он же о мотоцикле мечтает. Ничего себе, кусочек хлеба...

— Нет, нет, Валька — истинный представитель современного поколения. Обрати внимание — они же все прагматики от волос и до ногтей. Во всем — трезвый расчет. Шага без выгоды не сделают.

— И наш Валька? Это ты, отец, загнул. Он же типичный карась-идеалист.

Морщусь от столь сомнительных ярлыков, но тем не менее не перестаю прислушиваться. Родители, загипнотизированные свежешошугауренным пятном, не подозревают, что толщина стены всего в одну доску, и разговаривают, не снижая голоса.

— Валька — типичный прагматик,— продолжает убеждать отец. — Захотел мотоцикл — пошел работать. В институт поступил — где конкурс поменьше...

— Ну, это уж твой братик надоумил.

— Допустим. Но Валька же не спорил! Все свои мечты об астрономии отбросил, когда жареным запахло. Теперь будет специалист по холодильным установкам.

Я с возмущением перевернулся на другой бок. Вот как они восприняли мою жертву! Я, можно сказать, только ради них и пошел в этот институт. Резкий скрип диванных пружин услышали родители.

— Потихе рассуждай,— цыкнула мать.— Может, он не спит.

— Молодой сон крепок. Небось третий сон видит,— ответил отец после небольшого прислушивания.— И вот с этой дверью. Думаешь, он зачем ее заделал?

— Чтобы я не знала, когда он приходит!

— Точно! — с удовлетворением отметил отец.— Ну и чтобы нам не мешать. Он же все понимает — взрослый.

Отец хихикнул.

— Перестань! — прошипела мать.— Сдурел на старости лет? Вот уж верно: седина в голову, а бес в ребро.

— Ну и пошутить нельзя,— обиделся отец.

И вернулся к прерванному разговору.

— Прагматик! Практичен во всем. Ты думаешь, он с этой девицей зачем связался? Платоническая любовь? Да ни черта подобного! Потому что проще! С девушкой его круга амурные надо всякие разводить, ухаживать. А тут по пословице «Давай не будем, а если будем, так давай».

— Боже мой, Яша, откуда ты такой премудрости нахватался! — воскликнула мать.

Я в ярости впился зубами в угол подушки. Все свести только к этому... Как вообще можно, не видя Шурочки, думать о ней такие гадости!

— Валечка, ты спишь? — услышал я елеинный голос матери, вошедшей в мою комнату через кухню.

Ее ласковость показала мне насквозь фальшивой. Не оборачиваясь, я пробормотал что-то.

— Вот видишь, я же говорил — третий сон видит! — сказал вошедший следом отец.

«Не хочу! Не хочу вас видеть и слышать. Уходите!» — мысленно кричал я.

Мать погасила свет, и они на цыпочках удалились, оставив меня наедине с собой, пытающегося разобраться в собственных чувствах. Прямо скажу, малоутешительным было это самокопание.

С тем же институтом что получается? Я вспомнил, как мы сидели с отцом в томительном ожидании в квартире его столичного брата. Жена дяди настойчиво потчевала нас чаем. Мы упорно отказывались. Я с тоской оглядывал модный интерьер и не знал, куда засунуть свои ноги, чтобы не видно было уродливых сандалет.

Наконец появился дядя Семен, щеголеватый, пахнущий одеколоном, в каком-то необыкновенном пиджаке. Расцеловался с моим отцом, пожал мне руку со словами: «Вырос, вырос», потом исчез на кухню, где о чем-то долго переговаривался с женой. В результате этих переговоров на столе появились бутылка коньяка, нарезанный лимон, колбаса, шпроты. Братья выпили, взгляд их потеплел, начали вспоминать юность. Потом перешли к моему вопросу.

— Какие оценки? — рассеянно спросил дядя. — Четверки в основном? Так, так. Ну, ладно. Я сейчас позвоню кое-куда.

Он долго разговаривал с каким-то приятелем об общих знакомых, затем перешел к делу:

— Слушай, посоветоваться хочу. Тут у меня племянник из провинции, десятилетку кончил. Вот поступать собирается, — дядя хохотнул, — в астрономический. Нет, нет курсов никаких не кончал и репетиторов тоже не было. Я тоже так считаю — безнадега. Куда ты посоветуешь? Ну, конечно, не во ВГИК!

Дядя опять надолго закатился каким-то очень неприятным для меня смехом. Я всыхнул и бросил испепеляющий взгляд на отца. Но тот как-то очень жалко и даже умоляюще улыбнулся мне.

— Значит, пищевой? Что ж, это идея. Всегда человек будет при деле.

Дядя положил трубку.

— Слышали? Завтра с утра дуйте в пищевой. Знающие люди говорят, что там почти нет конкурса.

Действительно, экзамены я сдал без особого труда, и первого сентября комендант, пожилая остроносая женщина со скандальным голосом, вручила мне квиточек.

— Сто двадцать шестая комната. На первом этаже. По коридору и налево.

— На сколько человек?

— Четверо вас будет. Ничего, в тесноте, да не в обиде.

В комнате на койке у окна сидел светловолосый мордастый парень. Рядом на тумбочке была разложена еда — огурчики, помидорчики, сало, батон белого хлеба.

— Привет!

— Здорово!

Парень, ничуть не смущаясь, продолжал громко чавкать.

— Где тут койка свободная?

— Выбирай, — он показал вокруг откусанным огурцом. — Лучше вот тут, у стенки. У дверей дуть будет.

Я засунул чемодан под койку и сел. Обстановка небогатая, что и говорить. Один шифоньер, четыре койки, столько же тумбочек. Круглый стол посередине, покрытый порывевшей клеенкой.

— С холодильного факультета? — спросил парень.

Я кивнул утвердительно.

— Правильно. Я тоже. Меня Толькой звать.

— Валентин. А что правильно?

— Что холодильный. Нет, конечно, технологи на мясокомбинатах тоже ничего живут. Вырезка там, печенка.

Парень подмигнул.

— Чуешь?

— Нет, не понять.

— А-а, тундра! На бойне-то когда-нибудь был?

— Нет!

— Там всегда приварок бывает. Когда тушу разделявают. Так что свежее мясо не переводится. А некоторые кровь приспособляются пить.

— Что, кровь? — ужаснулся я.

— Ну, да! Знаешь, как полезно? Я одного такого видел, так, веришь, морда, как вареный помидор. Вот-вот лопнет! Красота!

— Чего же хорошего? Зачем же лопаться?

— Так жратва-то дармовая. Чуешь? Зарплата чистенькой остается. Два года — и «Жигуль». Но на холодильном, ты прав, лучше.

И работа чище, и уважения больше. Я-то знаю. У меня пахан на холодильнике грубит. Со всем районным начальством за ручку. А как же? Весь дефицитный товар у него — икорка там, балычок, сервелатик.

— Так это ж государственное. Он-то при чем? Или ворует?

— Чудак, — смеется Толька. — Это пусть грузчики воруют. У него комар носу не подточит. Скажем, подходит праздник какой. Все к нему. А он — «айн момент». И сообщает по начальству. Так, мол, и так, у части продуктов сроки хранения истекают, могут испортиться. Ну, начальство, естественно, дает команду — реализовать через ближайший торг. Понял?

— Нет.

— Откуда ты такой взялся? Папаня, значит, директору магазина сообщает, забирай, мол. Но и меня не забудь.

— В каком смысле — взятку, что ли, просит?

— Не совсем, — замылся Толька. — Просто тот директор на этот дефицит другой дефицит достает. Скажем, дубленку или холодильник какой.

Мне стало противно. Я встал.

— Слушай, Толь, а где здесь поесть можно?

Толька на мгновение перестал жевать огромный кусок сала и задумался.

— Столовая студенческая только завтра откроется. По-моему, в конце улицы пельменная есть.

Выхожу, удивляясь в душе его беспардонности. Я бы так не смог. Есть и другому не предложить? Впрочем, предложи он, все равно отказался бы. Через час, когда я возвращаюсь, заняты и остальные койки. Два прыщавых юнца, хихикая, слушают анекдот в картинках, который рассказывает Толька. Потом тот пускается в рассуждения о женитбе.

— Бабы в этом деле — все одинаковые, — заявляет он авторитетно. — Так что надо, чтобы, главное, готовить умела, хозяйственная была. А морда, так она через десять лет, что у красивой, что у дурнушки, одинаковая будет.

Мы так и не сошлись. Я старался реже бывать в своей комнате. Пропадал в читалке. Причем читал отнюдь не по специальности. Меня удивило, как быстро трансформировался Толька. Уже недели через две куда провинциальный парень девался. И туфли модные, «корочки», как он говорил, и пиджак — последний крик. Исчез с пальца перстень с черепом, который он в первые дни носил. Зато появились часы «Сейко».

— Откуда у тебя деньги? — однажды не выдержал я.

— Пахан дает. Не жалует. У нас с ним, видишь ли, план.

— Какой?

— Чтоб я тут в Москве женился и на работу остался. Зачем мне в глубинке жить?

— Ну и как?

— Не спешу. Надо, чтоб хата хорошая была. У меня ведь родственников много. Чтоб было где остановиться.

И противно, и смешно было его слушать.

— Значит, Москва для тебя — вроде гостиницы?

— Ну почему? Мне здесь нравится. Магазины какие, рестораны. По улице прошвырнуться одно удовольствие.

— А в театре ты хоть раз был?

— В театре? Зачем? По телеку все посмотреть можно.

— А в музеях?

— Скучота. Для провинциалов. Москвичи коренные, между прочим, никогда туда не ходят.

— Откуда ты всего этого нахватался?

— А у нас компания хорошая подобралась. У одной девки собираемся. Складываемся по десятке. Кир, музыка. Балдеем!

Однажды я попал в Толькину компанию. Мы осторожно прошли по длинному темному коридору коммунальной квартиры. Наконец Толька толкнул какую-то дверь:

— Нам сюда.

Хозяин комнаты, лохматый и угрюмый верзила, был уже пьян.

— Анатоль? Проходи. Надеюсь, не пустые?

Толька вытащил из-за пазухи бутылку водки. Хозяин тут же ловко отделил этикетку и приклеил ее к двери.

— Гляди! — с восторгом сказал Толька.

Вся дверь была оклеена этикетками.

— Настраивает на философский лад, — заметил хозяин. — Особенно по утрам.

В этот момент в комнату вошли три ярко накрашенные и шумливые девицы. Толька включил магнитофон на полную мощь. За стеной постучали.

— Перебьетесь! — свирепо прорычал хозяин, однако звуки несколько приглушил.

Пили из разнокалиберных стаканов и чашек, все курили, и через пятнадцать минут комнату поглотил устойчивый смрад. Девицы откровенно вешались парням на шею. Одна из них подошла ко мне и, слова не говоря, уселась на колени и потянулась накрашенными губами. Больше у меня терпеть не было сил, я резко встал, по сути дела, скинув девицу на пол, и вышел, не прощаясь.

Зимнюю сессию я сдал едва-едва. Один кандидат наук, который вел у нас семинарские занятия, сказал мне с глазу на глаз:

— Послушайте, Гомозов. У меня такое чувство, будто вы учитесь через силу. Зачем вам это нужно? Кончить институт и всю жизнь себя чувствовать несчастным человеком? Вы подумайте.

Толька, между прочим, со своими «компашками» завалил сессию с треском. И столичный лоск не помог. Зато помог «пахан», в отличие от нахального Тольки тихий, вежливый и даже угодливый. Он долго сидел в приемной ректора, пока не пробился к нему. «Пахану» удалось убедить, что Толька должен быть продолжателем династии холодильщиков, и ему разрешили все передать в порядке исключения.

После этого Толька значительно присмирел, стал чаще заглядывать в конспекты, и весеннюю сессию мы с ним сдали одинаково — на тройки.

Как я был чужим в институте, так им и остался. Давно плюнул бы, да удерживало одно — родители. Они, думал я, не перенесут, если их сын не окончит институт. А тут на тебе — отец вроде бы даже недоволен, что я так легко расстался с астрономией. Вот и пойми их.

А с Шурочкой? Я вспомнил ее жадный поцелуй. Неужели она, как и отец, думает, что я ухаживаю, преследуя только одну цель? Да, скверно. Все скверно.

..Несколько дней Шурочка держалась со мной насмешливо-отчужденно. Напрасно я приглашал ее то в кино, то на танцы. Неизменный вежливый отказ. И провожать себя не разрешала. Я особо не настаивал, вспоминая отцовские рассуждения. Может Шурочка неправильно понять. А видеть ее хотелось непременно. И по ночам не мог уснуть, вспоминая ее податливые губы, тело...

Даже не очень внимательная Танька заметила наш разлад.

— Не иначе как поссорились? — спросила она как-то за обедом.

Я чуть не подавился под испытующим взглядом членов бригады.

— Да нет вроде, — промямлил я.

А Шурочка гордо вскинула голову:

— Чего нам ссориться? У нас ничего и не было.

«Не было». Вот так. А действительно, что было? Разговоры? Правда, они доставляли радость, потому что мы понимали друг друга с полуслова. Танцы? Целовались раз? Это же несерьезно, как скажет мой отец. Что ж, буду мужчиной. Первый больше не подойду.

Я совсем заскучал. Стал стараться работать в паре с Танькой, а не с Шурочкой. После смены спешил домой. Никого не хотел ни видеть, ни слышать. Запирался в своей комнате, взявшись разбирать накопившиеся книги.

Однажды вечером решил заглянуть в нашу городскую библиотеку. Она располагалась в бывшем монастыре, недалеко от нашего дома. Наш библиотекарь, Глеб Валерьянович, горбатый старик с длинными волосами, мне очень обрадовался:

— Валентин! Хорошо, что не забыл меня, старика. Проходи!

Он гостеприимно открыл крышку барьера, приглашая меня внутрь. В зале в этот летний вечер никого не было. Поэтому мы спокойно у ourselves за библиотечарский столик. Я привычным взглядом окинул знакомые стеллажи. Сколько было проведено здесь замечательных вечеров за книгами!

Наша библиотека, хоть и районного масштаба, содержит богатую коллекцию редких книг. Все благодаря неукротимой энергии Глеба Валерьяновича. Он руководит библиотекой, наверное, с полвека, отлично знает всех книголюбов города, умеет их убеждать в необходимости отдать свои коллекции в пользу города.

Нас, школьников, Глеб Валерьянович привлекал к составлению библиотечных формуляров и за это в награду давал почитать интересные книги, причем умело руководил нашим интересом.

Глеб Валерьянович ласково похлопывает меня по коленке:

— Ну, рассказывай, Валентин.

— А что рассказывать, — заскучал я. — Все нормально.

— Учиться интересно? Нет? Это плохо. Плохо, когда нет стержня в жизни, желания добиться чего-то. Вот я тебе пример из литературы приведу. Бернард Шоу, великий писатель, прежде чем стать великим, восемь лет, слышишь, восемь лет сидел и писал. Все, что он писал, шло в корзину, отвергалось редакциями. А он писал и писал. Нуждался, голодал, но не оставлял этого дела. Потому что верил. И победил!

Я засмеялся.

— Сравнили тоже — меня с Шоу.

— Не смейся. Главное — чтоб цель в жизни была. А у тебя — какая цель?

— Ну, буду инженером по холодильным установкам.

— Хорошим?

— Что — хорошим?

— Инженером, спрашиваю, хорошим будешь?

Я снова пожал плечами:

— Наверяд ли.

— Вот, наверяд ли! — Глеб Валерьянович многозначительно поднял указательный палец. — Ты — наверяд ли, другой — тоже. А что получится, знаешь?

— Будем работать.

— «Работать», — передразнил Глеб Валерьянович. — А как работать? Я вот тут недавно заметку одну любопытную прочитал. Предложили, значит, одному научно-исследовательскому институту срочно автоматическую линию для химического производства разработать. Они отвечают: минимум год работы, затраты — тридцать тысяч рублей. А тут, к счастью, один изобретатель подвернулся. Так он один, понимаешь, один разработал всю эту линию за три месяца при минимальной зарплате. Чуешь, один!

— Ну и что? — спросил я озадаченно.

— А то, милый друг, что сидят в этом институте инженеры вроде тебя. Они институт окончили, лишь бы образование получить, и работают тоже так — шалый-валяй.

Я встал.

- Обиделся на меня, старик? — спросил Глеб Валерьянович.
- Не на вас.
- А на кого?
- Больше на себя.
- Вот это правильно,— одобрил Глеб Валерьянович.— Надо, чтобы всегда было недовольство собой. Только так человеком станешь.

Первой не выдержала Шурочка.

— Ты что такой сердитый ходишь?

— Вот еще. У нас же с тобой «ничего не было».

— Ага. Значит, сердиться. Ну, идем поговорим. Тем более есть кой-какие новости. «Местного значения», как твоя мама говорит.

— Мама? Откуда ты знаешь? Видела ее, что ли?

— Да познакомились,— сказала Шурочка как-то неопределенно.

Мы сели на лавочку на берегу нашей быстрой речушки, глядя на белые воронки водоворотов, на противоположный берег, где несколько женщин полоскали белье.

— Это интересно. Давай по порядку.

— Вчера вечером вдруг стук в дверь. Открываю. Ну, что это твои родичи, догадаться было не трудно. Очень даже похожи.

...Мать, видимо, действительно ожидала увидеть эдакую «даму с камелией» — с кровавыми, как у вампира, губами, с сигаретой в зубах и с гитарой. Вид Шурочки в простеньком халатике ее так обескуражил, что она потеряла свойственную ей напористость. Отец первым вступил в разговор. Ему-то Шурочка понравилась с первого взгляда. И он распушил хвост. Голосом дамского угодника восемнадцатого столетия отец загнул длиннющий комплимент в адрес Шурочки, ее комнаты, а также погоды.

Пока он выпутывался из сравнения Шурочки с голубым ленком, мать пришла в себя и вспомнила о цели визита. Собственно, сама идея — прийти к Шурочке в гости и выяснить отношения, так сказать, с открытым забралом, принадлежала, конечно, ей целиком. Отец сопротивлялся изо всех сил. Но мать, как всегда, победила, вернув аргумент, что отец палец о палец не хочет ударить ради спасения сына.

Она уже набрала в грудь воздуху, чтобы выпалить все, что она думает об абсолютной неперспективности наших с Шурочкой встреч, но помешал отец. Похоже, он совсем забыл, зачем пришел. Во всяком случае, его дальнейшая речь свелась к тому, что у них в доме сохнет добрый молодец, а здесь пропадает такая замечательная красная девица.

Мать запаниковала, но остановить отца не могла. Шурочка зарделась как маков цвет и выразилась в том смысле, что слышит о таком повороте впервые и что Валентин мог бы и сам сообщить о своих matrimониальных планах. Потом она предложила родителям

сесть и стала угощать их чаем с пирогом. Пирог она испекла раньше из-за того, что, не встречаясь со мной, имела уйму свободного времени. Теперь он оказался как нельзя кстати.

Мать пирог одобрила, равно как и обстановку в комнате, говорящую о домовитости хозяйки. Неожиданно, как это бывает с решительными и импульсивными людьми, ее мысли потекли совершенно в ином направлении. Брак Шурочки и Валентина ей представлялся весьма возможным и даже желательным.

— Только не спешите,— сказала она.— Пусть Валька институт окончит.

Отец категорически завозражал. Наоборот, надо чтобы Митяйка быстрее привык к новому отцу.

Разговор пошел откровенный и задушевный. По-бабьи пригорюнившись, мать слушала печальный Шурочкин рассказ о неудачном замужестве, а отец периодически громогласно заявлял, что бы он сделал «с этим паршивцем».

— Значит, без меня меня женили? — заулыбался я.— Ну что ж, я не против...

И потянулся, чтобы обнять Шурочку. Но она не приняла моих объятий.

— Пстой! Дело кончилось плохо.

— Плохо? Чем плохо?

— А я их прогнала.

Шурочка с вызовом тряхнула прической.

— Прогнала? Ты? Такая ласковая?

— Взяла и прогнала.

— Но почему?

— Думаешь, я дура и не поняла, зачем они пришли?

— Но ведь они переменяли отношение...

— Мне жалости не надо. Потом век помыкать будут, что из жалости взяли. А потом ты-то...

Она вдруг закрыла лицо руками, и ее плечики стали сотрясаться от рыданий.

— А что я?

— Вот именно — что? Хоть раз сказал, что любишь?

— Но ты мне действительно нравишься!

— «Нравишься» и «любишь» — разные вещи.

Я набрался смелости:

— Не знаю, как это называется, но жить без тебя не могу. Верись, все ночи кручусь!

Она подняла на меня заплаканные глазки:

— Правда?

— Конечно!

— А почему не говорил?

— Боялся обидеть. Подумаешь, что я, как эти...

Шурочка вдруг опять зарыдала.

— Чего ты?

— А-а! Я их прогнала-а! Мать теперь не простит.

— Так за что же ты все-таки прогнала?

— Отец сказал, что надо обязательно юридически лишить прав отцовства моего прежнего мужа. И денег предложил на адвоката. Я сказала, что в подачках ничьих не нуждаюсь. И попросила их освободить помещения...

— Дела...— сказал я.— Ну, ладно. В конце концов мы выяснили, что любим друг друга, а остальное неважно.

Шурочка покачала головой.

— Это ты все сгоряча говоришь. Ничего у нас не выйдет. Уедешь, да и забудешь.

— Вот еще!

— Точно я тебе говорю. Прощай, Валька. Не надо меня провожать. К чему лишние разговоры?

Подавленный, я вернулся домой. Родители сидели на кухне за столом, ужинали. Вид у них был какой-то виноватый. Впрочем, разбираться в настроении отца с матерью мне вовсе не хотелось, своих размышлений хватало.

Дед отложил газету и многозначительно посмотрел на всех нас.

— Ну, вот,— сказал он,— нахохлились, как воробьи. А давненько мы, ребята, в преферанс не играли. Не перекинуться ли нам по маленькой?

Я кисло хмыкнул. Зато отец сразу загорелся:

— Действительно, год ведь пулю не расписывали. Давай, мамочка, а?

— Может, без меня? — вяло возразила мать.— Устала я что-то.

— Давай, давай! — сурово сказал дед.— Нечего раскисать.

Отец быстренько стал сдавать карты, а дед самозабвенно с помощью линейки расчерчивал лист бумаги.

— Сколько пуля? — деловито осведомился он.

— Двадцать пять,— сказал я.— А то мне рано вставать.

— Двадцать пять так двадцать пять,— проворковал дед.— Ну, поехали.

— Я пас,— сказала мать, едва взглянув на карты и бросая их на стол.

— Раз! — воинственно заявил отец.

Я поднял свои карты, прикинул, что можно торговаться, и ответил:

— Семь первых!

Дед бросил свои карты в сердцах:

— Пас я тоже. Вечно ты, Валька, спешишь! Потихоньку надо, полегоньку. Он раз, а ты два...

— Семь вторых,— не уступал отец.

— Твои,— сказал я и перевернул карты прикупа.

Все прыснули, потому что в прикупе были две семерки.

— На горочку, Яша, на горочку! — пропел дед.

Отец озадаченно помолчал и вдруг торжественно произнес:

— Мизер!

— Ну, ты даешь! — воззрился я на отца.

— Не положено! — твердо заявил дед.

— Почему это не положено? — возмутился отец.

— Не по правилам! Мизер должен объявляться сразу!

— Где это записано? — загорячился отец. — Где?

— Это все знают, — упрямылся дед.

— Тогда я играть не буду! — в сердцах сказал отец.

— Не было случая, чтобы вы не поспорили, — вздохнула мать. —

Да ладно. Дело разве в этом?

— А в чем? — недоумевающе спросил дед.

— Раз мы уж вместе собрались, давайте поговорим, — сказала мать.

— О чем? — насторожился я.

Она несколько секунд помолчала, потом посмотрела мне прямо в глаза:

— Были мы с отцом вчера у твоей Шурочки.

— Знаю...

— Да. Нанесли, так сказать, визит вежливости. Шурочка нам понравилась. Славная женщина. Хозяйственная, домовитая. Добрая, видать.

Мать снова замолчала.

— Очень симпатичная, — добавил отец.

Мать окинула его взглядом, не предвещающим ничего хорошего, потом снова посмотрела на меня.

— Валя, сынок, ты думаешь, я тебе зла желаю? Дескать, мать — злыдня, уперлась, и все?

Я пробурчал что-то невнятное.

— Ты пойми — рано тебе жениться. Сам в жизни толком не определился. Мотает тебя туда-сюда. А здесь семья, ребенок. Ведь это будет твой ребенок. Ты понимаешь, какая это ответственность?

— Понимаю...

— Ни черта ты пока не понимаешь! — вспыхнула мать. — Ну, предположим, уехал ты в Москву. Вдруг тебе письмо, что Шурочка тебе изменила. Что ты сделаешь?

— Шурочка? Никогда! — закричал я.

— А если это правда?

Я растерялся:

— Ну, не знаю. Разойдусь, наверное.

— Вот видишь. Ты уже заколебался. А если любишь, надо верить до конца!

— Ты сама меня запутала! — рассердился я.

Мать грустно покачала головой:

— Нет, сынок! Просто ты еще не готов к такой любви. Ведь

семья — это самопожертвование. А что ты можешь дать Шурочке? А если вы завтра поссоритесь? Ты найдешь в себе силы признать вину за собой, сделать первый шаг? Молчишь? Вот видишь. Для того чтобы проверить свои чувства, нужно время. И поверь мне, говорю от чистого сердца — если у вас с Шурочкой получится семья, мы с отцом будем рады...

Наконец мне удалось воочию увидеть грозного управляющего. Крупный, с багровым обветренным лицом, со скупыми важными движениями рук, он сидел за столом прораба и вел нашу производственную «летучку». Простуженным, сиплым голосом управляющий сказал:

— Скоро заканчивается август. Если мы не введем в эксплуатацию вот эти объекты, плана не будет. Премии тоже. Не говоря уж о соревновании. Узкое место — отделка. Говорите, что нужно. Только по существу.

Потом выступали бригадиры, в том числе и наш Алексей. Неорганизованности много. Раствор запаздывает. Вчера машину раствора привезли вечером, а к утру он застыл. Сантехники долго копаются. Нет, чтобы сдавать этаж за этажом под отделку. Так они на всех этажах сразу работают. Комнату оштукатурить и ждешь. С этажа на этаж всю бригаду то и дело переводить приходится.

— Вот Валька,— Алексей кивнул на меня,— не набегается. Раствор с первого то на второй этаж, то на третий тащить надо.

Я покраснел, потому что управляющий обернулся в мою сторону и, как мне показалось, с усмешкой стал рассматривать меня.

— Молодой еще, ему полезно.

— А механизмы, промежду прочим, стоят,— вездливо заметила Шурочка, вовремя отвлекая от меня внимание.

— Какие механизмы? — удивился управляющий.

— На полиграфкомбинате, по подаче раствора. Они сейчас там все равно не нужны. До отделки далеко...

Шурочку поддержал Жиров:

— На внутренней отделке мы и так за пару недель справимся. А фасад есть смысл «под шубу» делать, соплом.

Управляющий с сомнением покачал головой:

— Перекинуть сюда цистерну со шлангом дело нехитрое. Но сопловщиков нет!

— Научите.

Бригадир и управляющий схлестнулись взглядами. Наконец управляющий отвел глаза.

— А кого? Людей-то не хватает.

— Да вот хоть его,— Жиров кивнул в мою сторону.— Парень грамотный.

Управляющий что-то пометил в пухлом блокноте.

— Ладно, подумаем.

В конце смены ко мне подошел прораб.

— Гомозов. Завтра с утра — на полиграфкомбинат. Там курсы сопловщиков.

— Надолго? Мне уж скоро...

— По сокращенной программе, за три дня.

Я был даже рад этим курсам, чтобы не видеть Шуручку. Слишком мучительно на нее смотреть.

Три дня пролетели незаметно. С утра нам читали лекции о различных растворах, а после обеда — практика. Работать соплом — штука нехитрая. Приноравливаешься быстро. Главное — шланг хорошо на лесах закрепить, чтобы тебя отдачей не скинуло, и не подставлять слишком близко само сопло к стене, чтобы раствор не съезжал.

Наконец вдвоем с механиком мы привезли насос, шланги к родному объекту. Наша бригада уже перебралась на третий этаж. Встретили меня радостно.

— Валька! — закричал Жиров. — Вот кстати. Тащи раствор. Видишь, ящик пустой. С девчонками — темп не тот.

— Я же теперь сопловщик!

Жиров засмеялся.

— Пока леса поставят, еще день пройдет. Так что давай.

— Так, может, шланги подключим? — предложил я. — Чего насосу зря простаивать.

Дядя Леша недоверчиво хмыкнул:

— Дольше подключать будешь свою технику.

А я помчался уже вниз. Вставил один шланг от насоса в бочку с раствором, другой, сопя, потащил на третий этаж. Высунувшись из окошка, крикнул механику:

— Включай!

Через несколько секунд шланг в моих руках завибрировал, предупреждая о появлении раствора. Неожиданно тугой струей он вырвался на свободу, обдавая брызгами окружающих. Я направил сопло в ящик, который быстро наполнялся раствором. Жиров с любопытством поглядывал на струю.

— А ну-ка, — предложил он, — попробуй на стенку направь.

Сначала раствор отлетал от стены. Слишком сильным был напор. Потом я приноровился, пустив струю под острым углом и по траектории.

— Ложится, ложится! — бурно возликовал Жиров и бросился с полутерком к стене, ровняя слой.

Минута — и стена готова. Еще минута — готова вторая. Азарт охватывает всех. Через полчаса я перетащил шланг в другую квартиру, затем — в следующую. К концу смены мы обметали первым слоем все внутренние стены второго этажа.

— Ай да Валька!— восторгался Жиров.— Завтра мы пойдем начисто, а ты давай «шубой» покрывай.

— Чего раньше недодумались?— удивилась Танька.

— Видишь ли,— чуть смущенно объяснил Жиров,— механизмы хороши, где площадь большая. Поставил сопло и шуруй. Потом дозировка раствора должна быть точная. Да и механизмов на все объекты не хватает. Поэтому ремонтники пока в основном вручную.

На следующий день делаю «шубу». Поверхность раствора, лежащая на фасад, не заглаживается полутерками и напоминает цигейку. Отсюда и название — «шуба». Шланг могуче пульсирует в руках, выплескивая раствор. Метр за метром растет «шуба». Иногда я сверху покрываю на механика, который, зазевавшись, не вовремя отключает насос, и часть раствора летит вниз. Горделивое чувство переполняет меня. Это вам не «Валька, давай, Валька, затирай!» Вполне самостоятельная работа.

Мы досрочно сдаем объект под побелку. И все не устают хвалить меня.

— Если бы не Валька, не управились...

Прораб принял работу. Скоро придут маляры. Мы вытаскиваем на улицу немудрящее оборудование — козлы, ящики, ведра, мастерки, терки и полутерки, кисточки и прочее. Жиров пошел в контору заказывать самосвалы и узнавать насчет следующего объекта.

Сидим на ящиках в ожидании новостей. Вроде и радостно, что закончили, и в то же время грустновато расставаться со ставшим родным нам домом. Шурочка и Танечка обсуждают фасон пальто, завезенных в магазин. Дядя Леша поглядывает на меня.

— Скоро на учебу?

— Да, неделя осталась,— отвечаю равнодушным тоном и вижу, как напряглась Шурочка.

«Ага,— думаю радостно,— значит, тебе не все равно».

— Уедешь и забудешь нас,— говорит Танька.

— Чего это вдруг забуду!— возражаю я.— Мне с вами очень хорошо.

— Ишь ты!— улыбается дядя Леша.

Он улыбается редко, но очень смешно — всем лицом. Широко расплзается рот, дергаются уши и поднимается кверху нос. Маленькие глазки светятся добротой.

Подходит Жиров и с размаху плюхается на ящик.

— Ну, куда мы теперь?— спрашивает Шурочка.

Бригадир молчит, и мы все чувствуем, что что-то произошло.

— Лексей, чего в молчанку играешь? — тревожится дядя Леша. — Ай опять в дыру какую посылают?

Жиров не выдерживает паузы и вдруг заливается счастливым смехом.

— На полиграфкомбинат едем! Новые корпуса отделявать.

Говорят, там импортное оборудование будут ставить, потому особые требования к отделке. Кому, говорит, как не вам, товарищ Жиров, это дело возглавить!

— Да кто говорит? — сердится дядя Леша.

— А я разве не сказал? — притворно удивляется бригадир. — Управляющий!

И уже не в силах больше сдерживаться, возбужденно рассказывает:

— Значит, захожу в контору, а мне девчата — иди скорей, сам спрашивал! Ну, захожу, конечно. Здравствуйте. Здравствуйте. Вышел из-за стола. Улыбается. Руку жмет. Усаживает. Все, говорит, мы люди. Можем погорячиться. Критику, говорит, только слабоумные любят. Ее любить нельзя, а вот реагировать надо. Между прочим, говорит, в сентябре сад сдаем, и к Ноябрьским — дом. Так что ваша критика помогла. Вот бестия, все помнит. Ну, а что взаимно погорячились, это бывает. Значит, вроде как извиняется.

Я тоже отвечаю, что, конечно, выпимши зря приходил. Пожал он мне руку в смысле, что старое нечего вспоминать. Теперь, говорит, к делу. Комплектуй, Жиров, большую бригаду, человек двадцать пять. Самых лучших. Задание очень ответственное. Между прочим, говорит, вашу кандидатуру, товарищ Жиров, в райкоме называли. Откуда они вспомнили? Тут он на меня глазом зыркнул и нежно так спрашивает: вы, случаем, туда, товарищ Жиров, не заходили? Пожалитесь, например? Я даже возмутился. Не в моем, говорю, характере за спиной действовать. Я лучше всегда в глаза скажу. Ну, управляющий, значит, успокоился. Верю, верю, говорит, и по плечу хлопает. Так что Жирова и в райкоме помнят!

Мы с Шурочкой понимающе переглядываемся. Мы, во всяком случае, свет на эту историю проливать не собираемся.

— Эх, и развернемся мы! — грохочет торжествующе Алексей. — Так что, ребята, день вам отдыха на всякие шанцы-манцы, пока мы с дядь Лешей будем бригаду подбирать, и на полиграфкомбинат.

— А Валька? — вырывается у Шурочки.

Видно, уж очень у меня растерянный вид.

— Да, Валька! — мрачнеет Алексей. — Тебе сколько, неделю осталось? Нет, наверное, смысла с нами переходить. А жаль. Мы тут с дядей Лешей уже прикидывали. Работаешь ты уже не хуже девчат. Так что, ежели б остался, дали тебе сразу третий разряд. Чуешь? Может, останешься?

— Что ты парню голову дуришь? — сердито говорит дядя Леша. — Слыханное ли дело — институт бросать! И о родителях подумай. Если бы мой такой фортель выкинул...

Жиров озорно подмигивает мне:

— Подумай, подумай!

Я оглядываю членов бригады. Дядя Леша сердито роется в ящике,

Танька улыбается мне во весь рот, Шурочка напряженно всматривается куда-то в даль. Подступает комок к горлу. Родные! Мне так не хочется с вами расставаться. Ей-богу, зареветь в пору. Я наклоняю голову и бормочу:

— Подумаю...

— Не дури,— сердито, но не страшно кричит дядя Леша.

...Мотоцикл купить непросто. Но тут случай подвернулся. Соседский парень куда-то уезжать собрался и решил свою «Яву» загнать. «Ява» — мечта моя. Мы с дедом отправились к соседу. Парень не стоял за ценой. Тем более что знал меня и несколько раз давал прокатиться. Так что сговорились быстро. К двум сотням кровным, мною заработанным, дед прибавил еще триста. Я сделал победный круг вокруг деда, подняв переднее колесо.

Тот притворно сердился:

— Башку снесешь. И зачем я, старый, на эту удочку поддался? Я лихо притормозил возле него.

— Хороша машина? Зверь!

— Ну, ну! — дед опасно похлопывает по никелированному баку.— Можешь теперь куда хочешь ехать. Хоть в Москву...

— Слушай, а ты был, пожалуй, прав...

— В каком смысле?

— В Москве он мне ни к чему.

Я вскидываю голову, и мы пристально смотрим в глаза друг другу. Лицо деда вдруг принимает испуганное выражение.

— Что ты хочешь сказать? Не смей! Мы так не договаривались. Да меня мать теперь до гробовой доски пилить будет!

— Ничего, дед, не дрейфь,— говорю я озорно.— Главное, я сам знаю, что мне надо.

Субботний торжественный ужин. Завтра «блудного сына» отправляют в Москву. Мать уже уложила чемодан и теперь уговаривает меня взять дополнительно две трехлитровые банки с прокрученной смородиной.

— Валечка, это не так тяжело, зато каждое утро в общежитии будешь чай со смородиной пить. Витамины. И для мозгов полезно.

Я, как мог, оттягивал тяжелую минуту объяснения.

— Кажется, в нашей семье не будет инженера по холодильным установкам,— задумчиво говорю я.

Отец еще ничего не понял и пребывает в самом благодушном настроении. Зато лицо матери мгновенно меняется, а дед сжимается в своем углу.

— Что ты еще придумал? — звенящим голосом спрашивает мать.

— Не смотри на меня, как на агента империализма! — пытаюсь отшутиться.— Ничего особенного. Просто я не хочу учиться в этом институте. Попрошу, чтобы мне вернули документы...

— Яша, наш сын тронулся...

Начинается.

— По-моему, более умного поступка я еще не совершал.

Ударив ладонью по столу, мать вскакивает. Отец растерянно смотрит то на нее, то на меня.

— Постой, постой, — начинает он соображать. — Ты что же — институт бросать собираешься?

— Собираюсь, — любезно разъясняю я.

— Мы столько сил вложили, — начинает бушевать мать, — чтоб наш сын имел высшее образование. Из кожи лезли.

— А сколько государство на тебя потратило? — в отце просыпается бухгалтер. — Целый год тебя уже проучили. Это не одна сотня рублей.

— Я тоже считать умею. Лучше потерять год, чем пять, — возражаю я. — Сам же говорил, что я прагматик.

— Ты нас вдобавок подслушивал. Негодяй! — восклицает мать.

Я краснею.

— Случайно. Но, кстати, не жалею. Сами же удивлялись, что я астрономии изменил. Так что прекратите!

— Ну и что ты собираешься делать? — пытается воззвать к моему здравому смыслу отец. — Тебя же через несколько месяцев в армию призовут.

— Вот и отлично. А пока на стройке поработаю. Мне, между прочим, третий разряд дают.

Мать с гневом поворачивается к деду и говорит неожиданно тихим голосом:

— Так я и чувствовала, чем кончится твоя идиотская затея. Мальчик, видите ли, профессию должен получать. Получил?

Дед багровеет:

— Прекрати балаган. Парень вправе решать сам свою судьбу.

— Этот сосунок? Что он может? Его любой вокруг пальца обкрутит!

Она внезапно смолкает, осененная новой идеей.

— Ну, конечно, — прорывается первый смешок. — Как я сразу не догадалась. Эта баба его с панталыку сбила. А он и слюни распустил.

— Шурочка здесь абсолютно ни при чем! — заявляю твердо.

— Ха-ха-ха! Нашел ангела во плоти. Из-за какой-то юбки мать предал.

— Мама...

— Ну и иди к ней. Что встал? Иди. Бери чемоданчик и катись. А сюда не показывайся. Нам такой сын не нужен.

Ослепленный яростью, хватаю плащ, чемодан, выскакиваю за дверь. Пока копошусь у двери сарая, выходит дед.

— Валька, охолонь. Что ты, мать не знаешь? Пошумит, и все пройдет.

— Нет, дед, извини. Она не только меня, она хорошего человека обидела. Прости.

Закрепляю чемодан на багажнике и что есть силы жму на педаль стартера. Мотоцикл откликается оглушительно канонадой и уносит меня в расступающуюся темноту.

Постепенно езда успокаивает меня. У кого же из ребят переночевать? Неожиданная мысль приходит в голову. Она хотела, чтобы я катился к Шурочке? Что же, поедem к Шурочке.

Она открывает мне дверь сонная, сжимая левой рукой полу, а правой — ворот цветастого халатика.

— Валька? Чего это ты на ночь глядя?

Тут ее взгляд упирается в чемодан и сон будто рукой снимает.

— Выгнали?

— Сам ушел.

— Из-за чего?

— Сказал, что буду на стройке дальше работать.

— А как же институт?

— Документы заберу.

Она кивает. Как с ней легко, все понимает с полуслова.

— Давай заходи. Чего ж торчать на пороге? Утром решим как быть.

В комнате горит ночник. Кровать только одна.

— Я на стуле посижу.

— Нет, нет. Ложись. Только обещай, что трогать меня не будешь.

— Ну, что ты! — восклицаю с рыцарским чувством.

— Да ты раздeнься! — говорит Шурочка. — Тебе надо выспаться как следует в первую очередь.

Ложимся рядом, разделенные байковыми одеялами. Шурочка нежно гладит меня по волосам, и я уже довольно спокойно рассказываю о принятом решении и реакции родителей.

Какая она милая и все понимающая. Свет ночника золотит короткую прическу, и ее нежный профиль прекрасен! Я решительно притягиваю головку к себе.

— Валечка, ты же обещал! — упрекает Шурочка в паузе между поцелуями.

— Шурочка! Я люблю тебя. Выходи за меня замуж.

— Дурачок. Я же старше тебя на два года.

Ну и что? Моя мать, кстати, старше отца на три года. И до сих пор влюблены друг в друга.

Шурочка смеется:

— Значит, наследственное?

— А как же! Гены!

Она затихает от моих осторожных ласк. Неожиданно я слышу прерывистое хныканье. Шурочка встревоженно поворачивается:

— Митяйка. Наверное, опять напудил...

— Лежи. Я сам.

Я встаю, подхожу к кроватке. Осторожно вынимаю тепленькое тельце из мокрой простыни и несущего его к нам. Митяйка

лежит между нами, весело пуская пузыри и пытаясь засунуть в рот свою ножку. Осторожно целую его пухленькие пальчики. Гляжу на Шурочку. Митяйка сейчас вовсе не разъединяет нас, а, напротив, делает еще ближе...

— Вставайте, сони,— слышу сквозь сон веселый Шурочкин голос.— Почему все мужики так спать любят? Завтрак на столе. А утро...

Солнечный свет заливает комнату. Откровенно люблюсь Шурочкой.

— Слушай, есть предложение.

— Какое?

— Мотоцикл-то под окнами. Давай махнем сегодня в Эммаус...

— Эммаус? — удивленно переспрашивает она.— А что там делать?

Объяснить трудно, поэтому придумываю на ходу:

— Говорят, там опять пошли.

— А Митяйка? Его же в корзине не повезешь!

Действительно, как я не подумал. Но тут же мне в голову приходит гениальная идея. Она очень проста, как все гениальное.

— Матери подбросим.

— Как матери? — ахает Шурочка.— Ты же с ней...

— Ничего,— невозмутимо говорю я.— Пускай привыкает. Я ведь тоже упрямый.

Шурочка садится ко мне на кровать, проводит рукой по волосам и со вздохом говорит:

— Что ты упрямый, это я уже поняла. Ну, да ладно. Завтракай и пойдем к твоим родителям.

...Когда я вхожу в дом, дед грозит мне кулаком:

— У, идол. Мать из-за тебя всю ночь валерьянку пила.

Но он тут же видит Шурочку с Митяжкой на руках и расцветает в улыбку:

— Заходите, заходите, садитесь!

Выходит мать, и происходит приблизительно та же реакция — холодное выражение лица в адрес сына и улыбка — Шурочке. А когда мать увидела Митяжку, растаяла окончательно. Начинаются сплошные агусеньки-тритатусеньки, в которых, кстати, участвует и отец.

Про меня на какое-то время забывают вообще. Наконец я решаюсь напомнить о себе:

— Так как договоримся? Я остаюсь?

Мать молчит, но неожиданно возражает Шурочка:

— Тебе надо ехать, Валя. Обязательно! А мы все тебя будем ждать...

...Под колеса мотоцикла стремительно уходит матовое шоссе. Не раз борюсь с искушением повернуть обратно. Но я обещал, значит, слово надо держать. И все же я вернусь. Вот увидите — вернусь. Порукой тому — хитрая улыбка деда, который все понимает.

Дмитрий Валентинович
ЕВДОКИМОВ

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

Повесть

Редактор Е. Ф. Олейник

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 10.06.86. Подписано к печати
18.08.86. А 00716. Формат $70 \times 108^{1/32}$.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-
изд. л. 3,13. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж
80 000 экз. Изд. № 2179. Зак. № 3177.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● **ПРЕДЛАГАЕТ ХИМЧИСТКА**

В химчистку принимают не только одежду и предметы домашнего обихода.

Вы можете сдать в химчистку... зонт.

Здесь зонт избавится от любых пятен, сохранив свою форму и цвет.

За дополнительную плату

зонт могут пропитать

водоотталкивающим составом.

Росбытреклама